

ЕВГЕНИЯ
КРЕТОВА

КЛУБ

На
пора-
жение

романтические детективы

Евгения Кретова
Круиз на поражение
Серия «Романтические детективы
Евгении Кретовой», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57096921

Аннотация

Его зовут Стефан, и он дизайнер. В его руках женщина становится богиней. Он обожает свое дело и мечтает о славе. Нет, даже не так... о Славе. Лучших подиумах и крупнейших Домах Мод. Его прошлое – за семью печатями. Его настоящее – предмет зависти и обсуждений. Ведь он получил персональное приглашение от Марии Терезы Стафф – креативного директора легендарного Дома Высокой моды «Киар Алари». На кону Париж и Большая Мечта. Сам дьявол с ухмылкой наблюдает за тем, как далеко может зайти человек в погоне за ней. Интриги, предательство и жестокие преступления в новом детективе Евгении Кретовой «Круиз на поражение»!

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Стефан	10
Глава 2. Ангелина	22
Глава 3. Показ	30
Глава 4. Побег	53
Глава 5. Без права вернуться	69
Глава 6. «Жемчужина морей»	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Евгения Кротова

Круиз на поражение

Если Вы всерьёз хотите разочаровать родителей, а к гомосексуализму душа не лежит, – идите в искусство.

Курт Воннегут

Пролог

– Гос-споди, девочки... Коровы-коровами, – простонал Андрей, режиссер-постановщик фейшн-шоу, прикрыл ладонью лицо.

Он замер на площадке для фото и видео операторов, напротив конца длинного изогнутого подиумного языка, на котором модели позировали, и критически высматривал ошибки, потенциальные триггерные точки для накладок.

– Алина, последний раз говорю, не задирай голову! – рывкнул на одну из девушек. Тут же потребовал от присутствующей на прогоне представителя модельного агентства: – Если она так сделает на показе, сниму прямо с дефиле, поняла?

Девушка мрачно кивнула. Андрей сунул руки в карманы, нахмурился:

– Черти кого присылают. Ни фактуры, ни походки...

Больше прохода моделей его интересовали только возможные накладки.

Накладки были на любом фешн-шоу. Даже на самом топовом. Даже на самом звездном. Это он знал наверняка – испытал на собственной шкуре. Однажды пустили эффектные искры по периметру подиума. От фейерверка загорелся шлейф на свадебном платье, том самом, что должно было завершить показ. В другой раз на подиум выскочила кошка. Откуда она взялась в приличной галерее никто не знал, но эта зараза устроилась посреди «языка» и начала вылизывать собственный рыжий зад. Все гости, байеры, журналисты фотографировали только ее. Будто никто прежде не видел котика. И это был грандиозный провал.

Сегодня у него такого не будет. Он все продумал заранее.

Никаких спецэффектов, никаких рискованных фейерверков, дымовых завес. Только свет.

Но свет, выставленный шикарно, – это уже победа.

Он будет меняться от коллекции к коллекции, он будет преломляться в их чертовых стразах. Он будет делать драматические тени в их чертовых драпировках. Он станет второй стороной звука. Его глубиной.

– Ну, как, все плохо? – К нему подошел помощник, Генчик Вавилов.

– Отвратительно, – отозвался Андрей с улыбкой.

Надо сказать, он был крайне суеверен и никогда не хвалил показ до его окончания. Собственно, зная эту странноватую

привычку босса, Генчик усмехнулся.

– Швабры – коровы? – уточнил на всякий случай на счет девочек-моделей.

– Неимоверные!

Генчик был польщен: кастинг моделей он проводил лично, впервые самостоятельно. Больше ста девушек хотели участвовать в показе. Он отобрал тридцать. Самых лучших. То, что они «коровы» – лучшая похвала от Андрея перед дефиле. Генчик заулыбался, словно мартовский кот:

– Кто сегодня фина́лит шоу?

Режиссер сверился со списками:

– Стефан Марроне...

И он неопределенно кивнул за кулисы.

Там, в просвете между задником и прикрепленными к нему гигантскими буквами-логотипами известного дома моды, стоял темноволосый парень, будто сошедший с полотен Караваджо. Оливковая кожа, темные глаза с сумасшедшинкой, чувственные губы, чуть выющиеся жесткие волосы собраны в небрежный хвост. Юноша пристально следил за шедшими по подиуму моделями, делал пометки в блокноте. Что-то вычеркивал, что-то вписывал.

– Этот сопляк – Стефан Марроне, тот самый? – Генчик презрительно скривился.

Андрей покосился на него, проговорил холодно:

– Сопляк или нет, но на него положила глаз сама Мария Тереза Стафф... Если ничего не запрет на дефиле, он ста-

нет десятым претендентом на стажировку в ее Доме моды. А это, между прочим, золотой билет в мир Haute couture, – он взглянул на парня у кулис, задумчиво потер подбородок: – Я не удивлюсь, если он однажды станет главным дизайнером «Киар Алари»...

Генчик притих, с любопытством пялясь на молодого дизайнера.

Тот, почувствовав на себе их взгляды, неохотно оторвался от блокнота, посмотрел тяжело, будто прибил к хлипкому помосту... Убрал блокнот в задний карман джинсов, а карандаш – за ухо. Сейчас он был похож на рассерженного ворона, дикого и злопамятного.

Повернулся и ушел за кулисы.

– Н-да, с таким характером сложновато ему будет, – со знанием дела прокомментировал Генчик. – Даю голову на отсечение.

Андрей только презрительно фыркнул:

– С таким характером он выключает победу, а потом сыграет в регби твоей отсеченной головой.

Он спрыгнул с помоста, направил за кулисы – надо проверить музыку и настройку звука: после третьего дефиле идет длительный проигрыш, во время которого должна произойти смена заставки на заднике. Нужно еще раз проверить, отходит ли все по хронометражу.

Пройдя за кулисы, он почти нос к носу столкнулся с этим парнем, Стефаном, тот будто ждал его.

– Чего? – бросил неприветливо в смуглое лицо.

Тот протянул ему вырванный из блокнота клетчатый лист, с ровно выведенными и обведенными в кружки цифрами пять, семь, тринадцать и шесть.

– Для моего дефиле нужны эти модели, – коротко приказал. Именно не попросил, а приказал. Что особенно взбесило Андрея.

Режиссер едва дар речь не потерял:

– Ты офанарел? Завтра показ, все модели распределены, последовательность выходов выстроена... Я что, из-за тебя буду весь показ перекраивать?!

– Мне привести своих моделей? – Парень полоснул темным, как турецкая ночь, взглядом, будто кинжалом по тощему горлу режиссера.

Тот шумно выдохнул, представил сколько вопросов вызовет этот финт, схватил листок, пробежал еще раз глазами: выбранные сопляком девочки ничем особенным не отличались. Рядовая внешность, рядовой рост – метр семьдесят восемь. Они загружены на показе меньше других именно из-за своей заурядности. Вешалки и не больше.

Он потряс листком перед носом:

– Нафига они тебе? У тебя же нормальные модели выбраны для показа. Что с ними не так?

Парень отвел взгляд на мгновение, скользнул мимо Андрея, пояснил неохотно:

– Походка. Мне для дефиле нужна их походка.

И не говоря больше ни слова, сунул руки в карманы, повернулся и направился к выходу из зала.

Андрей так и стоял у кулис с зажатой в руке клетчатой бумажкой, смотрел ему вслед.

– С таким характером он себе башку пробьет, – зачем-то проговорил. – А я станцую на его похоронах.

Но замену выходов моделей сделал.

Глава 1. Стефан

Из кулуаров он знал, что Мария Стафф подбирает дизайнера-стажера на женскую линию Haute couture. Сейчас линию вел француз Дидье Лапен, немолодой, но амбициозный и смелый. Его стиль – нечто компромиссное между авангардом Гальяно и шиком Ив-Сен Лорана. И это «нечто» оказалось непонятным клиенткам легендарного дома моды: одна за другой коллекции терпели крах.

Тогда у учредителей и возникло предложение взять стажера, не связанного амплуа, не отягощенного предрассудками и тяжестью бренда, который будет представлять. Этакого нахала без связей и принципов, бродягу с улицы. Безусловно, он будет работать под началом Дидье Лапена и самой Марии Терезы Стафф, но также безусловно и то, что ему дадут карт-бланш. Минимум на первую коллекцию сезона. Провалится – выбросят вон без сожаления. Бизнес, ничего кроме бизнеса.

Степан знал, что им можно предложить, знал, что его стиль совпадает с генеральной линией Дома моды: женственность и провокация. Он даст им «свежую кровь», новый вид, пресловутый New Look. Он уже мысленно представлял свою коллекцию на подиуме, видел заголовки модной прессы. «Шарм и провокация», «Шок нового гламура» или что-нибудь такое же хлесткое.

Идея крутилась рядом, парила в воздухе, а он все никак не мог ухватить ее – та ускользала сквозь пальцы, стоило протянуть к ней руку. Будто застенчивая фея, она касалась легкими крыльями затылка и пряталась, стоило присмотреться к ней. Степан пропустил вечерние посиделки с чаем и печеньем, невпопад отвечал на вопросы. Пару раз поймал на себе расстроенный взгляд Алины, ее припухшие от слез глаза, понял, что больше она не поедет с ними.

Оно и к лучшему. Может, обратит внимание на кого-то рядом. Кто будет ценить ее шелковые волосы цвета спелой пшеницы, ее беспокойные глаза и бледные губы.

– Ты чего весь не в себе, – подсел к нему Николай, сунул в руки железную кружку с земляничным чаем.

– Меня пригласили на кастинг для Дома моды «Киар Алари», – отозвался, рассматривая пламя.

Николая, хоть и был далек от мира моды как лошадь Пржевальского от королевских скачек, вытянул от удивления лицо – название-то знакомое.

– Фига се, – вырвалось. – Ну ты крут, брат. Скажи, когда, приду болеть за тебя. Даже железки свои брошу.

Степан кивнул, усмехнулся криво.

– С Алинкой вы что ли поругались? – Николай на правах старого школьного товарища влез и в это.

Командор отозвался уклончиво:

– Не то чтобы. Но... Она вряд ли с нами еще поедет сплавляться.

– Понятно, – Громов невесело хмыкнул. – А красивая бы из вас пара получилась. Точно бы, приходя к тебе в гости со своей «бабой», люто бы тебе завидовал, – он похлопал друга по плечу. – Ладно, держись, брат. Прорвемся.

Степан ушел спать позже остальных, когда костер выгорел дотла, а черные уголья вздыхали тяжело, перебирали будто шаман четки оранжевые искры. Ощущение упущенного озарения не покидало, присыпанное тревогой и разочарованием. Парень закутался в спальник, а перед глазами все искрились неуловимые крылья его феи. Которая принесла, но так и не подарила идею.

«Или все-таки сделать новье?» – мучился он, засыпая.

Три недели ранее

Ноздри хватали сырой, пропитанный жарой воздух, топкий, пьяный. Солнце, хоть и стояло уже высоко и перевалило за зенит, не палило, светило ярко, ровно, оранжево.

По серебристой глади реки скользили три байдарки. Яркие борта поблескивали, лениво отражая сетку из бликов, привлекали внимание суетливых стрекоз. Одна, особо настырная, трещала перламутровыми крыльями и норвила присесть на лодочный нос.

Коля Громов, сидевший на носу, неловко вывернул весло, обрызгал рыжую шкуру байдарки, спугнул насекомое. Обер-

нулся через плечо на корму:

– Ты чего сегодня притаился, Командор? – бросил беспечно. – Опять про баб своих думаешь?

Высокий парень, смуглый и темноглазый, криво усмехнулся, посмотрел на берег, сверился с картой маршрута:

– Это ты про баб думаешь, а я про девушек и женщин...

– Ну-ну, рассказывай, – примирительно хохотнул Колян.

Он был тощий и жилистый, даром, что программист в обычной, не байдарочной жизни.

Тот, кого он назвал Командором, размял затекшие плечи, покрутил головой. Поправил бандану.

– Вот попомни мои слова, – проговорил мечтательно, – женишься на бабе. Бабу будет тебя встречать с работы, готовить тебе ужин и ложиться к тебе в постель. А по выходным ты будешь приходить ко мне в гости, где тебя будет встречать моя женщина. И будешь завидовать и злиться. Потому что каждый выбирает то, что ищет. Ты – бабу. Я – женщину. Чуешь разницу?

Он достал фляжку с водой отпил, протянул товарищу. Тот потянулся, сделал несколько жадных глотков.

– Ты просто бабник, – заключил, наконец.

Командор засмеялся:

– Не без этого... Вот там за поворотом реки, судя по карте, стоянка есть. Смотри срубленный ствол и лохматую иву как ориентиры.

– Не рано на ночевку собираешься? – Николай вернул ему

фляжку с водой, снова взялся за весло.

– Не рано.

Он торопился добраться до стоянки и включить станцию – ждал новостей.

– Ты нас загонишь, Командор, – поравнявшись с его байдаркой и сдувая с носа неповоротливого лесного комара, простонала Алинка – в обычной жизни блондинка, красотка и «девочка-девочка», здесь – верный друг-байдарочник и завхоз.

Он покачал головой, кивнул на берег:

– На карте маршрута здесь стоянка значится, заночуем здесь, – коротко сообщил, сворачивая на мелководье.

– Солнце еще высоко, могли бы пройти еще пару километров до Скобцева, – с сомнением проворчала девушка, сворачивая за ним следом.

Парень посмотрел на нее через плечо, скривился:

– GPS ни фиги не ловит, надо с Москвой связаться.

Алинка фыркнула:

– Так бы и сказал, городской мальчик, – она знала, как его можно задеть, особенно любила этот момент, когда парень зеленел от гнева, когда раздувались ноздри и зверел взгляд. Он тогда больше всего напоминал тореадора – решительно-го, взвинченного до предела, готового на глупость. Настоящий Командор.

Вот и сейчас он полоснул ее темным обсидиановым взглядом, шумно схватил пряный, пропахший рекой, воздух.

Пальцы вцепились в весло, костяшки побелели от напряжения. Алинка побоялась, что он сейчас его сломает, примирительно хмыкнула:

– Да ладно, что ты бесишься, я же шучу.

Он промолчал, крикнул Николаю:

– Идем к берегу, – и сделал широкий гребок и в пару движений добрался до берега.

Их байдарка скрипнула по прибрежной осоке. А в следующий момент, Командор с напарником почти одновременно спрыгнули в воду, затащили лодку на траву. Помогли остальным выбраться на берег, удобно сдвинув лодки бортами.

Пока ребята устраивались на ночлег, выполняя раз и навсегда принятые в походе обязанности, Командор дернул из герметичного пакета станцию, подключил. Чтобы поймать сигнал, пришлось отойти на пару метров и забраться на разлапистую иву, к которой кто-то, отдохавший здесь раньше, заботливо прикрутил табличку «Связь тут!»

Он набрал номер, с раздражением отметив, как дрожат руки.

– Алло, – сонный голос мамы. Командор посмотрел на часы, в Москве полдень.

– Мам, это я. Ты чего, спала?

Мать сладко зевнула:

– Как догадался?

– Все нормально?

– Да нормально, конечно, – отмахнулась она. – Звонка от

папки твоего ждала до трех ночи. Вот и сонная весь день, будто муха.

– Он же вроде вечером вернуться должен был? – парень прислонился спиной к прохладному стволу, поднял глаза на яркое, светло-васильковое небо, автоматически отметил от-тенок, и как его можно использовать в работе.

Мать проворчала:

– Чем ты меня слушаешь, Степа? Я же тебе перед отъез-дом говорила, что отец задерживается, что перенесли пере-говоры, и что вернется к выходным.

Степан кивал, как заводная кукла, но мать это, ясное дело, не видела. Конечно, она говорила, а он пропустил. Последнее время он почти все пропускает мимо ушей.

– Ты добрался? – не изменяя ворчливую интонацию, спро-сила мать. Парень слышал, как рядом с ней щелкнул чай-ник, представил, как она сейчас станет заваривать чай. Кажется, даже почувствовал щекочущий ноздри аромат вани-ли и жасмина. Цветовое решение: светло-васильковый, жел-товато-белый и бледно-зеленый, прозрачный – сложилось. Легло мягкими складками на хрупкий, женственный силуэт. Мать выдернула его из раздумий: – Алло, ты меня слышишь?

– А? Да... То есть не, не добрались, в десяти километрах остановились на ночевку... Завтра последний ходовой день и выброска. В воскресенье к вечеру буду дома. Мам, – он откашлялся: – мне звонил кто-нибудь.

– Звонил.

В динамиках тонко звякнула чашка, а у Степана подпрыгнуло и замерло сердце.

– И что сказали? – он снова откашлялся, прогоняя из голоса нервный тремор.

Почувствовал чужие руки на лопатках, как скользнули по плечам узкие девичьи ладони. Алинка. Уже распустила волосы, переделалась. Прильнула к его груди, ловко поднырнув под локоть, потерлась щекой о хрусткую ткань ветровки. Он посмотрел строго, надеясь, что поймет – разговор важный. Машинально дотронулся до локтя девушки. Та поняла, притаилась.

Мать отчетливо, чтобы не повторять дважды, сообщила:

– Двадцать пятого мая, отель Рэдиссон. К 16:00 подвезти коллекцию. Шесть моделей, представить концепт дефиле. Сам показ тридцатого. Все подробности сообщат при встрече.

– Это всё? Требования? Тематике? Состав коллекции? Prêt-à-porter? Hautecouture? Точно больше ничего не сказали?

– Ни-че-го, – отрезала мать. Степан выдохнул. Но тут, словно издеваясь над ним, мать воскликнула: – А! Сказали, что будет присутствовать некая Мария Тереза Стафф. Мне это имя ни о чем не говорит, а тебе?

– Мария Стафф? Лично? – Он оттолкнулся от дерева, взгляд зацепился за прибрежную осоку.

– Ну, не через секретаря же... Думаю, лично. А что, Сте-

пушка, важная персона?

От домашнего «Степушка» потеплело на душе, даже недавняя ссора с отцом стала казаться морщинкой на беспечной водной глади. Парень улыбнулся:

– Ты даже не представляешь, насколько...

Он нажал кнопку отбоя, все еще мысленно проговаривая услышанное от матери.

«Получается, полная свобода действий, тематики и специализации», – мысленно подвел черту, привычно разделив лист на сектора «за» и «против».

Алинка потянулась к нему, ткнулась носом в шею:

– Все нормально?

Он задумчиво покачал головой:

– Даже лучше, чем можно придумать.

Девушка хохотнула, потерлась носом о его грудь, обхватила руками талию. Степан озадаченно покосился на ее макушку, деликатно высвободился:

– Пойдем, я костер разведу.

Алина задержала его руку в своей, посмотрела призывно. Степан замер.

Развернулся к девушке, поднес покрасневшие после холодной воды пальцы к губам. Слабо поцеловал. Заглянул в глаза.

– Алинка, ты классная. Самая лучшая, – прошептал тихо.

Она покраснела и отвела взгляд. Закусила губу.

– Мне казалось, я тебе нравлюсь...

Нахмурилась.

Степан тихо выдохнул. Что сказать? Как? Она трогательная, Алинка. И сейчас – особенно, будто промокший после дождя воробей.

– Алин...

Она спохватилась, по птичьей взмахнула руками.

– Нет. Не говори! Не хочу знать!

Дернулась в сторону, в глубину леса. Степан перехватил ее за локоть, привлек к себе. Проговорил скороговоркой, будто опасаясь, что слова застрянут в горле, запутаются в мыслях, и потом снова придется возвращаться к этому разговору, опять мучиться от неловкости и невысказанных обид.

– Алин. Ты классная. Умная, яркая. Ты самая лучшая... Но у меня мозги сейчас не на это заточены... Я ни о чем, кроме работы не могу думать. Я дурак и, конечно, буду жалеть и кусать локти, когда узнаю, что ты плюнула на меня, устроила свою судьбу, что счастлива с другим, – он все-таки поймал ее взгляд, улыбнулся.

Высвободил ее руку и отступил на шаг назад. Алинка, бледная и безумная, горела словно в лихорадке, смотрела дико.

– А может, я захочу ждать тебя? – выплонула, будто проклятьем полоснула. – Пока ты разбираешься в этой своей жизни и работе?

Она смотрела с вызовом, испепеляла взглядом.

– Алин, ты от меня хочешь услышать что-то конкретное, –

он облокотился на ствол, вытер со лба испарину. – У меня нет ответа. Правда. Совсем нет.

Он оттолкнулся от дерева и, не оборачиваясь, направился к лагерю.

– Степа!.. – окрик заставил вздрогнуть. – Степан!

Он чувствовал на себе ее взгляд, лопатки жгло от ее разочарования. Не оборачиваясь, покачал головой. Лучше так. Больно, но один раз.

Он выдохнул, подобрал хорошую сухую ветку, удобную для розжига. Он давно чувствовал, что Алинка бросает сытую московскую жизнь, кавалеров и бутики, высокие каблукы и головокружительное мини, бросается в богом забытую глушь к комарам и мошкам, из-за него. Он чувствовал на себе ее взгляд, все более пристальный от встречи к встрече, слышал, как меняется ее голос, становится звонким, натянутым, как струна, призывным.

Что ему надо, он сам не знал. Красивая, умная девушка. Его родителям, опять же, очень нравится: они знают ее с шестого класса, когда она перевелась в их лицей из математической спецшколы. Отец не уставал напоминать, какая она отличная партия. Степан дернул плечом, будто сбрасывая тяжелую отцовскую ладонь.

Можно было бы замутить. Но его это не трогало. Совсем.

А от мыслей о возможной близости с Алиной становилось тоскливо и пакостно на душе.

«Итак, 25-е, – он отогнал от себя все второстепенное, по-

тому что главное сейчас – это показ, на котором будет присутствовать главный дизайнер Дома Высокой моды «Киар Алари». Его шаг к золотому билету в профессию и к открытой дороге на Париж.

Глава 2. Ангелина

Она заперлась в ванной, устало опустилась на холодный кафельный пол и прислонилась спиной к шкафчику. Тесно, холодно, но безопасно. Единственное место, где можно выдохнуть и зализать раны.

Голова нещадно болела, пульсировала в висках. Девушка посмотрела на свои дрожащие руки: запястья уже покрылись бордово-синими пятнами. Ладно, прикроет напульсниками. Благо сейчас модно. Протянув руку, пошарила на тумбочке, нащупала расческу. Перевернула тыльной стороной, где зеркальце.

– Вот черт, – осторожно коснулась жуткого кровоподтека на шее, чуть выше ключицы. Распахнула ворот шелкового халата, изучая узкие царапины. – Гадство. Все тонировать придется и шарфом прикрывать.

Расческа с зеркальцем выскользнули из ослабевших рук, девушка безвольно запрокинула голову, прислонилась затылком к дверце шкафчика, в который раз удивляясь, как она в это вляпалась.

Бесцеремонный стук в дверь заставил вздрогнуть:

– Лина, уснула там, что ли?! – грубый окрик, от которого руки задрожали еще больше.

Девушка с трудом встала, нацепила на себя улыбку и приоткрыла дверь, придерживая полы халата свободной рукой:

– Нет, конечно. Ванну хотела принять...

Игорь тяжело посмотрел на нее, облизал губы.

«Только бы не начал опять», – полыхнуло с тоской в груди.

– Пожрать приготовить. И спать! – коротко скомандовал и направился в зал.

Через минуту заговорил телевизор.

Ангелина выдохнула. Запахнула халат, плотнее завязала узел на поясе, прошмыгнула в кухню. Сейчас главное действовать быстро, пока он не надумал чего-нибудь еще.

Достала из холодильника лаваш, сыр, свежие овощи и салат-латук. Соус. Сыр и ветчину тонко нарезала, все собрала, скрутив в плотные аккуратные роллы. Закрепила шпажками.

Крохотная солонка и перечница в центре блюда. Рядом, строго в двух сантиметрах от них, – стакан воды, на поверхности покачиваются три кубика льда. На блюде лист салата, зелень, роллы стройными рядками. Подхватила, направилась в зал, в глубине души надеясь, что Игорь, устав после «сеанса», уснул под голос диктора. Тогда она поставит поднос, накроет его салфеткой – чтобы он, когда проснется, видел, что она выполнила его приказ, – и уйдет спать. Нанесет на кровоподтеки крем, и, если повезет, они более-менее побледнеют к утру, не придется накладывать тонну косметики.

Девушка подошла к двери, прислушалась. Ничего не поняв, осторожно надавила локтем на ручку, одновременно толкнув дверь бедром.

Телевизор гремел голосами политических экспертов, пе-

редача вошла в ту фазу, когда они готовы вцепиться друг другу в глотку. Игорь сидел спиной ко входу. Вальяжно откинулся в кресле, рука замерла на подлокотнике.

Ангелина проскользнула в комнату, обошла диван. Покосилась на мужчину: тот расслабленно сидел, прикрыв глаза. Может быть, все-таки спал. Девушка бесшумно поставила поднос на столик, шагнула в сторону.

Железная хватка на покрытом синяками запястье заставила ахнуть:

– Куда собралась?

– Я принесла тебе ужин, – вместо ответа пролепетала девушка, чувствуя жесткие пальцы на своем измученном запястье. И опаской покосилась на мужчину. Под сердцем пошевелилась льдинка – в темных глазах загоралось желание, заполняло их кипящей лавой. Он дернул к себе, заставив упасть на колени. По-хозяйски властно скользнул рукой по бедру, бесцеремонно сдвинул. – Игорь, пожалуйста.

Правая рука по-прежнему скручивала девичье запястье, до оранжевой боли в глазницах, до слез. Свободная рука жестко повернула ее голову за подбородок, легла на затылок, будто припечатал.

– Ты не ответила... Куда собралась?

– Разве я не могу идти? Ты вроде говорил, что спать, – ей приходилось говорить отрывисто, чтобы успевать переводить дыхание между словами. Тогда есть шанс, что не расплечется. Игоря последнее время особенно «заводит», когда

она плачет. – Мне завтра с утра на работу.

– Я тебе давно говорил, чтобы ты бросала это дело...

Ангелина мысленно улыбнулась: работа давала ей не только несколько часов свободы в неделю. Но и возможность заработать.

– Что тебе эти копейки? – он пристально ее разглядывал, впиваясь взглядом в припухшие и искусанные девичьи губы.

– Ты же знаешь, мне неловко просить деньги на свои женские мелочи... – глоток воздуха. – Да и тебе подарки хотелось бы делать на свои, а не просить у тебя.

Это официальная версия. Ангелина показывала меньше трети дохода, остальное откладывала на карту. Туда же перечисляла деньги от ставшего популярным в Сети своего бьюти-блога. «На побег» – так мысленно подписывала каждый перевод.

Он положил тяжелую ладонь на острое девичье колено, сжал, с наслаждением наблюдая, как девушка вытянулась словно струна, как порывисто опустились ее плечи, непроизвольно запрокинулась голова. Жесткие пальцы скользнули по коже выше, впиваясь во внутреннюю поверхность бедра.

Ангелина закусила губу, уставилась перед собой.

– Моя умница, – прохрипел у виска. – Хорошо, что твои коллеги безопасны... Не то я бы жутко ревновал тебя.

Мужская рука плавно погладила затылок, чуть отстранилась. Ангелина сделала глоток воздуха, короткий. Чтобы выровнять сбившееся дыхание. Потому что знала, что последует.

ет за этим.

Игорь перехватил ее волосы, одним движением намотал их на кулак и с силой оттянул назад.

Не выдержала – ахнула. Его любимый момент. Жесткие губы тут же спились поцелуем, удушающе глубоким, жадным, будто не было до этого нескольких часов «сеанса», от которого болело все тело.

Игорь кусал губы, не стесняясь, не таясь, впивался жестоко, заставлял стонать от боли. От боли. Он отчего-то считал, что от наслаждения.

– Моя ненасытная кошка, – выдохнул в лицо. Темные глаза подернулись мутной пеленой.

«Черт», – сердце в панике забилось.

Он ослабил хватку. Ангелина замерла, боясь выдохнуть. Вцепилась в подол шелкового халатика, чтобы унять дрожь в руках. Прикрыла глаза.

– Иди в спальню... – прохрипел. – Я сейчас приду.

Шлепнув по бедру, ослабил железную хватку и позволил встать.

«Черт, черт, черт, – пульсировало в висках: – Сделать вид, что уснула?»

Но в прошлый раз это его не остановило. Только было еще больнее, потому что она не успела подготовиться.

Ей надо было сразу что-то решать, еще тогда, пять лет назад. Когда еще были живы родители. Бежать. Не оглядываясь.

Ей тогда только исполнилось девятнадцать. Поехали с друзьями отмечать окончание первого курса, за город. Шашлыки, гитара. Без ночевки, конечно. Хотели культурно посидеть, покупаться, попеть песни.

Игорь позвал ее гулять. Он был ласковый, Игорь. Родителям очень нравился: высокий, сильный, жгучий брюнет, прекрасно образован, неплохо зарабатывает. Своя квартира не в самом плохом районе столицы...

Они спустились к реке, прошли до запруды. Сидели на горячем песке. Целовались.

– Пошли, я тебе что-то покажу? – предложил, подмигнув, как заговорщик.

Ангелина пошла. Из любопытства. И еще потому, что доверяла.

Они прошли к его машине – транспорт припарковали вдалеке, чтобы никому не мешать.

Он усадил ее на заднее сиденье. Закрывл двери. Снова начал целовать. Не так, как раньше. Требовательно, жгуче. А потом она просила остановиться, а он сделал вид, что не услышал. Было больно, стыдно. Она просидела в машине до

вечера, пока вся компания не стала собираться по домам.

Надо было тогда сказать родителям. И не подпускать его к себе.

А она испугалась. Струсила. Ведь она сама села в машину. Недостаточно четко сказала ему «нет». В тот вечер Игорь, прощаясь, сказал, что теперь она никому, кроме него не нужна. Что она теперь – его собственность. И он не отдаст ее никому. Киношно и показушно поцеловал в губы при всех.

«Надо было бежать, – повторила себе сегодняшней. – Тогда ничего бы этого не было».

Страх отнимает половину жизни.

Ей повезло – у нее отнял лишь пять лет.

Пять лет во лжи, где для посторонних Игорь – любящий и внимательный красавец, – за закрытыми дверями благоустроенной квартиры превращался в мстительного и мелочного зверя. Пять лет Ангелина радовалась плохой погоде летом и наступлению холодов – тогда она переставала выглядеть странно в свитерах, необъятных худи, с плотно замотанной шарфом или платком шеей. Пять лет боялась увидеть на столе серый блокнот, в который он заносил ее прегрешения, достойные «наказания».

Пять лет ненавидела три кубика льда в стакане воды и ровно, сантиметр к сантиметру, выставленные на столе приборы.

Она дорого заплатила за свою трусость.

Сейчас она, словно волчица, приюхиваясь к рассвету, го-

товая на побег.

В рюкзачке – одна смена белья, заветная карта и документы.

Если завтра ей повезет, то она больше никогда не вернется сюда.

Завтра.

Ангелина с тоской услышала, как скрипнула дверь в спальню, как продавился под тяжелым мужским телом матрас. Содрогнулась от горячей ладони на щиколотке.

Зажмурилась, чувствуя жадные прикосновения.

«Только бы наступило завтра».

Глава 3. Показ

Тонкие пальцы касались глянцевых страниц. Мужчина лениво просматривал каталог, перелистывал их, практически не фиксируясь на увиденном. Его собеседник заметно нервничал, но старался сдерживаться.

– Я не заинтересован в этом проекте, – процедил, наконец, мужчина. У него был высокий голос, такой же тонкий, как его пальцы. И такой же нервный. – Мне думается, что в принципе организация круиза – не окупится.

Его собеседник деловито отозвался:

– Но привлеченное к этому внимание уже хорошо сказалось на рейтингах. СМИ наблюдают, ждут историю о Золушке. Продажи прошедшей коллекции выросли на сорок процентов...

Мужчина захлопнул каталог, посмотрел на своего оппонента. С удивлением отметил:

– В самом деле?.. Хм. А что, для этого надо действительно искать Золушку, как вы выразились? Что, найти проверенного специалиста проверенными способами нельзя? Что за ребячество...

Он порывисто встал, подошел к огромному панорамному окну, за которым сгущались Нью-Йоркские сумерки. Его собеседник добавил мягче:

– Мне думается, Мария решила немного поиграть в меце-

натство. Это обычно хорошо сказывается на имидже компании. Нам давно требовалось нечто подобное.

Мужчина перешел на фальцет, проговорил раздраженно:

– Я не готов отдать место дизайнера человеку со стороны.

Надеюсь, это понятно...

Его собеседник потупил взгляд, прошептал примирительно:

– Понятно, да.

– Ну тогда вам должно быть понятно, что я готов заплатить, чтобы этот кастинг не состоялся.

Его собеседник насторожился.

– Нет, здесь я прошу разъяснений. Что именно вы от меня ожидаете? Официально отменить круиз?

Мужчина рассмеялся:

– Не разочаровывайте меня, Майкл. Мне нужно максимум дивидендов из этой авантюры. Раз СМИ реагируют, то пусть реагируют. Они ждут шоу. Дайте его им!

– Там десять претендентов. Можно организовать скандал.

– Хорошо. Думайте еще...

Его собеседник откинулся на спинку кресла, склонил голову к плечу:

– Рич, у меня сейчас возникла идея... Скажите, вы готовы на светский скандал и готовы заплатить за то, чтобы этот круиз стал событием, вписанным в историю Высокой моды?

Мужчина с интересом уставился на него.

– Продолжайте.

– Десять претендентов. Амбициозных, мечтающих о славе... Готовых пойти на все, – он выразительно замолчал, на губах играла дьявольская усмешка.

– Кажется, я начинаю понимать, о чем вы говорите... И мне определенно нравится эта идея. Действуйте...

– Вы даете полную свободу действий? – мужчина смотрел в упор, холодно щурясь.

Тонкие пальцы скользнули к бумажнику, потянули за угол чековую книжку. Один росчерк пера и хрусткий листок перешел в руки нового владельца.

– Надеюсь, эта сумма вас убедит в серьезности моих намерений.

Утро 31 мая началось с проливного дождя и разбитой чашки кофе.

Пока Степан вытирал тряпкой коричневую лужу со светлой кафельной плитки, в кухню зашел отец:

– Что, брат, осваиваешь новую профессию? – спросил с издевкой, устраиваясь за столом. – Правильно. Физический труд облагораживает человека.

Он был огромный и значительный, его отец. Высокий рост, густой бас, волос цвета воронова крыла. Гроза политиков и бизнесменов, неизменный спецкор одного из ведущих телеканалов. Грегорио Пас Фернандес, в обрусевшем вари-

анте Григорий Пас. Великий и Ужасный.

Рядом с ним Степан всегда чувствовал себя гадким утенком. Правда, и отец не забывал об этом напоминать – подтрунивал над выбором «бабской» профессии, странными взглядами на «красиво-не красиво», и больше всего – над грядущим безденежьем: отец придумал для него, выпускника лучшего лицея столицы, отличника и стипендиата, совсем другое будущее. Отец для него мечтал о карьере дипломата.

Сын молчал, потому что спорить бесполезно.

Степан промолчал и сейчас. Собрал осколки чашки, выбросил в ведро.

Отец придвинул к себе кофейник, снял со стойки чашку – крепкую, обстоятельную с толстыми краями и увесистой ручкой. Плеснул в нее кофе.

– Вон там еще разводы подотри, – хохотнул, ткнув пальцем под ножку стола.

Степан прополоскал тряпку, тщательно отжал. Протер пол начисто. Придирчиво огляделся.

– Хоро-ош. – Отец удовлетворенно отхлебнул кофе, поставил чашку на стол. – В честь чего ранняя уборка вверенной территории?

– Дела, – пробубнил Степан, подхватил ведро, направился из кухни.

– Не громыхай там, мать не буди, – бросил в спину отец.

Мама – это единственный человек, при котором стихали их споры. Одного ее взгляда хватало, чтобы отец, виновато

вздыхнув, принимался за салат или понуро плелся на работу.

– Мальчик выбрал себе дело, мальчика надо поддержать, – говорила она. – Себя вспомни: что бы ты сейчас делал, послушай ты *своего* отца.

Дед, в самом деле, был категорически против «беловоротничковой» специальности Григорию, хотел, чтобы тот выучился на «настоящее дело» – стал сапожником, как и все в их роду. Отец сбежал в Россию, назло поступил в ВУЗ. А уж, женившись на маме, остался здесь работать. Зато сейчас дед, потрясая крючковатым натруженным пальцем, вспоминает об этом отцу и в пику ему поддерживает внука.

Степан посмотрел на часы – пить кофе времени не осталось, завтракать – тем более. Надо собираться. Тревога и неприятный осадок после стычки с родителем мерзкой жабой шевелились в груди. Еще эта разбитая чашка. И ливень.

Зашел в свою комнату, передел футболку, нацепил кожаную куртку (сам шил на первом курсе, из обрезков, присланных дедом). Выглянул в окно, надеясь, что дождь хоть немного поутих. Не тут-то было. В небесной канцелярии определенно решили выполнить месячную норму по столичным осадкам.

– Черт подери, – парень с тоской посмотрел на подвешенные у шкафа кофры с упакованной коллекцией. Хорошо хоть коробку с обувью и мелкими аксессуарами догадался спустить в машину накануне вечером.

Решительно направился в кухню – за пакетами для мусо-

ра.

Отец все еще восседал там, лениво проглядывая в смартфоне новости. Завидев сына, отложил телефон в сторону, воодушевленно поинтересовался:

– А чего это ты такой загадочный ходишь в последнее время? Пришел, ушел, пришел снова, заперся в комнате... Пакетами вон шуршишь ... Куда-то потащил. Я переживаю за тебя, сынок. Не прячешь ли ты там в комнате труп невинной красотки?

И громогласно рассмеялся.

– Не смешно, – Степан шумно выдохнул, покачал головой. – Может, хватит уже? Что ты, как ребенок? Не угомонишься никак...

Отец траурно закатил глаза, повел широким плечом:

– Ну вот. Спорить ты так и не научился, сразу переходишь на личности. «Как ребенок», – он пристально посмотрел в широкую спину сына. – То есть ты не передумаешь?

– Нет, – Степан достал из шкафа скотч, нечаянно хлопнул дверцей.

Отец сердито зашипел и посмотрел на дверь кухни:

– Тихо ты! Мать разбудишь!

– Мать уже сама разбудилась, – в проеме, приоткрыв дверь, показалась моложавая блондинка в легком домашнем платье, прямая противоположность мужу. Стройная будто тростиночка, миниатюрная и голубоглазая. Степану иногда казалось, что отец потому и говорит шепотом в присутствии

матери, что боится ее сломать собственным басом. – Кофе угостите? Или уже все выпили?

– Мам, я опаздываю. Прости.

Рванул к коридору.

Мать спохватилась, привлекла его к себе, поцеловала в гладко выбритую щеку, потрепала по плечу:

– Ни пуха. Буду за тебя болеть! – и подтолкнула к выходу.

– Что за него болеть? – пробасил Григорий, прислушиваясь, как в комнате сына шуршат пакеты и скрипит скотч.

– Показ у него сегодня важный, – супруга пристроилась напротив него, забрала из рук кружку с остывшим кофе.

Зажмурилась, отпивая.

Григорий мрачно насупился, побарабанил по столу. Жена лукаво усмехнулась:

– Пыхти-не пыхти, а сегодня он устроит своебудущее.

– Или не устроит...

– Может и так. Только вряд ли он после того, как ему покажут дверь и золотой ключик от нее, все бросит, чтобы начать карьеру дипломата. Еще и выбросив коту под хвост пять лет учебы... Или он не Степан Пас.

– Конечно, Степан Пас, – пробубнил Григорий. – Его готовы взять на третий курс, Таня! Только его физиономии в деканате не хватает! И заявления...

Он стукнул кулаком по столу.

Супруга тут же перехватила его кулак, мягко положила ладошку сверху, придавила к столешнице:

– Тшш. Не шуми!

– Ты вечно его защищаешь.

Супруга лукаво улыбнулась. Сделала еще один глоток горлодного кофе.

– Вечно. Его вечно. И тебя – вечно. И вечно вас обоих жду, – она примирительно похлопала по руке, отвернулась к окну: – Эх, дождь-то какой. Как из ведра льет... Это Степка коллекцию в пакеты упаковывает, чтоб не промокла. Гриш, ты б помог ему до машины донести.

Григорий чертыхнулся, поднялся решительно:

– Он взрослый мужик между прочим! Вон судьбу свою решает поперек отца!

Выскочил из кухни.

Татьяна покачала головой, уставилась в окно:

– Ох, дождина-то какой.

Прислушалась к шуму в коридоре:

– погоди, я помогу спустить, – пробасил Григорий.

Торопливый голос сына:

– Я сам. Все ОК.

Хлопнула дверь.

– Ни пуха, – прошептала Татьяна, озабоченно нахмурилась и будто сразу постарела.

Муж вернулся на кухню, еще более мрачный. Молча сел за стол, уставился перед собой.

– Я все сделаю, чтобы он образумился. Это ведь он специально артачится, на зло мне. Дурак. Всю жизнь себе испор-

тит этими тряпками.

Татьяна долго смотрела на него. Молчала.

– Знаешь почему я его поддерживаю? – Спросила, наконец. Она вернула кружку мужу. – Потому что не хочу, чтобы у него потухли глаза... Не смей ему мешать, слышишь?

В ее голосе прозвучал железный характер. Тот самый, в который он влюбился тридцать лет назад. Григорий медленно выдохнул, посмотрел на жену с опаской. И промолчал.

Степан, не оглядываясь, выбежал из квартиры. Уже у лифта мысленно отругал себя, что отказался от помощи отца – все-таки родитель не часто баловал его вниманием, еще реже – желанием помочь. Особенно после того, как получив аттестат в 11 классе, Степан заявил, что не будет поступать в МГИМО. Если зажмуриться, то в ушах снова начнет звенеть отцовский крик. Молодой человек усмехнулся, прислонился к двери лифта. Прикрыл глаза, пытаясь собрать себя. Но ощущение, что что-то треснуло вместе с той любимой чашкой, которую он только что выбросил в ведро, не покидало. Коллекция тяжелела в руках, ладони потели под полиэтиленовым пакетом, скотч противно скрипел.

Молодой человек вышел на лестничную площадку, достал из кармана куртки ключи от машины. Подойдя к окну, нажал на брелок. Тот призывно пискнул, окрасив экран

сине-голубым. Загорелась иконка работающего двигателя. Степан удобнее перехватил необъятный кофр и, уже распахивая дверь подъезда, открыл с пульта двери припаркованной у подъезда Ауди.

Дождь с козырька ливанул за шиворот:

– Да блиин, – Степан бросился к машине, прикрывая собой упакованные в полиэтилен кофры с конкурсной коллекцией. Той самой, которую должна была посмотреть сама Мария Стафф.

Он прибыл последним, за два часа до начала показа. Выбравшие им девушки-модели сутуло жались в фойе. Страхивая с себя потоки дождя, Степан кивнул:

– Пошли! – это его мир и его день.

Вчера, после того как он заменил моделей, он забронировал себе отдаленный угол, загородил кронштейнами, навесил на них какое-то барахло – застолбил место. Закуток был тем хорош, что не в проходе. И еще – ровно над ним светила нормальная лампа. Не бликовала, не желтила.

Молодой человек сбросил с плеч мокрую куртку, закрепил кофр на вешалах.

– Стефан, что с мейком? У нас только база, – одна из девушек-моделей показала на лицо. И надо как-то быстрее решать, потому что я участвую еще в двух дефиле, мне пере-

одеваться надо.

Степан бросил короткий взгляд, продолжая распаковывать коллекцию. Мокрый полиэтилен падал к его ногам будто старая змеиная чешуя.

– Сейчас подойдет визажист, доделает, – пробормотал.

– Не подойдет. Она заболела, – девочки переглянулись, пожали угловатыми плечами. – Да в принципе мы и сами все можем сделать. Ты скажи, что нужно...

– То есть как заболела? – До Степана стало медленно доходить происходящее.

Два часа до начала показа. Визажист, который должен был сделать мейк-ап, с которым оговорили концепцию и продумали акценты, не вышел. И другого сейчас он просто не успевает найти.

На всякий случай, посмотрел на часы.

– Сейчас решим, – сунул ножницы в руки одной из манекенщиц, попросил: – Аккуратно разрежь пакеты, развешивай кофры. Не вскрывай!

– Да поняла я. Не дура, – девушка подковырнула ногтем уголок скотча, потянула на себя и осторожно надрезала.

Степан покосился на нее. Пошел искать Андрея, режиссера фейшн-показа.

Схватил за руку парня-фотографа:

– Слышь, Андрея видел?

– Режиссера? У осветителей только что был.

Степан помчался туда, но свернул по дороге в закуток, где

работали визажисты. Пять девушек и один парень. Степан окинул их взглядом.

– Девушки... И не только девушки, – он покосился на парня. – Нужна помощь, мой визажист не приехала, мейк-ап делать некому. Выручайте!

Крикнул и огляделся: все шестеро продолжали работать так, будто его здесь и не было.

– У меня все под завязку, – равнодушно пожала плечами девушка справа. – Я не возьмусь. Звони в агентство.

– Да когда они по пробкам пришлют человека?..

Степан зацепился взглядом за соседку говорившей: высокая худощавая с темным и непокорным, бесовским, взглядом. На руках красовались розовые разводы от помады, запястья плотно схвачены напульсниками, клетчатая рубашка застегнута на все пуговицы, на шее – тонкий баф с мексиканскими черепами. «Рокерша», – подумал Степан, мысленно радуясь удаче – рокер рокера в беде не бросит. Девушка заканчивала наносить макияж девушке из коллекции прямого конкурента Степана на место в «Киар Алари», точно и аккуратно закрепила стразы на скулах. Молодой человек подскочил к ней, сложил руки в мольбе:

– Девушка, милая, я вижу, что вы уже закончили. Спасите меня. Мне это место нужно как воздух. Я не могу завалить дефиле, столько месяцев работы. И все только потому, что визажист, которого мне прислало агентство, заболела.

Девушка посмотрела на него строго, задержалась на запя-

стях парня, на которых болтались тонкие кожаные плетеные браслеты, яркие, разномастные:

– Сколько моделей? – спросила сухо, собирая кисти со складного столика.

– Шесть. Макияж простой. База у девочек уже нанесена.

– Простой – это какой? Конкретнее.

– Чуть-чуть глаза, губы, чтобы не отвлекать от костюма.

Почти в стиле нюд...

Девушка пожала плечами:

– Пошли, покажешь свой почти нюд.

Когда они вернулись в закуток, Степан отметил приунывших моделей, которые, заметив девушку-визажиста приосанились, приоткрыли рты.

– А что, сегодня Ангелина работает? – спросила одна у другой.

Девушка остановилась у кофров, кивнула на них:

– Показывать будешь или что сказал, то и делать?

Степан выдохнул:

– Давай просто: естественная красота, свежая, увлажненная кожа. Капелька перламутра на губы. Давай просто нюд. Мы с Валерией Топчинской его и оговаривали.

Девушка-визажист с сомнением покосилась на закрытые кофры, перевела взгляд на Степана:

– Может все-таки...

– Нет. Давай так сделаем, – отрезал молодой человек.

Девушка снова пожала плечами:

– Ну, как скажешь... Баба с возу, кобыле легче, как говорится.

Хлопнула в ладоши, уже обращаясь к манекенщицам:

– Ну, девочки, кто первый?

Степан, выдохнув с облегчением, помчался в машину – за коробкой с обувью. На бегу взглянул на часы – час пятнадцать до начала. Успеваает!

Дождь только закончился. Крупные капли, будто сброшенная гигантская чешуя, увесисто хлопали по спине, тяжело оседали на коже. Степан сбежал с крыльца арт-галереи, где должно проходило дефиле, перепрыгнул через лужу. Выбежал на парковку. Около его машины кто-то возился.

– Эй! – Степан окликнул незнакомца.

Тот распрямился, виновато улыбнулся:

– Прошу прощения, ключи уронил, – он продемонстрировал связку и отошел от машины.

Степан кивнул, открыл дверь багажника, достал коробку.

Придерживая верх подбородком, посмотрел в спину уходящему мужчине. «Зачем тусоваться на парковке тому, кто приехал на метро?» – мысль мелькнула и погасла – надо торопиться.

Время начала дефиле приближалось.

Шум отодвигаемых кресел, шелест голосов – приглушенный, настороженно-восторженный. Зажглись гигантские буквы BHSAD – Британская высшая школа дизайна. Под ними переливался слоган «Dream. Discover. Design». Мечтай. Исследуй. Твори. Девиз, ставший символом целого поколения художников, фотографов, музыкантов. Малиново-оранжевый дизайн, терпкий, язвительный и смелый как символ новой волны.

– Ты что ль меня искал? – со спины подошел Андрей, дотронулся до локтя. – Чего надо было?

Степен покачал головой:

– Уже ничего, – протянул, не оборачиваясь, флешку: – здесь трек для дефиле.

Режиссер взял в руки серебристую флешку, нахмурился?

– Так вчера же прогон делали. Все записано уже... – тихо выругался: – Если ты собрался выёживаться сейчас и менять музыку в последний момент, то пойдешь вообще без нее.

Степан обернулся через плечо, посмотрел на Андрея тяжело, но с пониманием, хмыкнул:

– Не парься. Пусть будет у тебя будет. На всякий случай.

Режиссер пожал плечами, пробормотал примирительно:

– Ну пусть, – списал все на суеверия, все-таки не он один нервничает сегодня. Подумав, выглянул из-за плеча парня: –

Что, Мария уже приехала?

Молодой дизайнер покачал головой:

– Не-а, вроде бы, – приезд мифической звезды казался все более призрачным, за шиворот закрались сомнения: не шутка ли? – Не вижу ее. И первый ряд пустует.

Андрей вздохнул:

– Пойду тогда в фойе, встречу. Помелькаю перед звездой...

Степан с интересом посмотрел ему в след, с трудом понимая, шутит ли режиссер или всерьез надеется на работу в «Киар Алари». Но собственная тревога занимала его больше.

Настороженно выглядывая из-за кулис, он наблюдал за гостями. Преподаватели школы, журналисты. Несколько актеров, очевидно, пришли поддержать одного из конкурсантов. Степан даже знал, кого – того самого прямого конкурента, моделям которого делала мейк-ап загадочная девушка-рокерша Ангелина.

О ней говорили шепотом и с придыханием – он сам слышал. Правда, макияж она нанесла мастерски.

По залу пробежала волна. Даже бодрая музыка, звучащая фоном, поперхнулась от восторга: в зал зашла Мария Тереза Стафф. Низенькая старушка в ядовито-желтом брючном костюме, провокационной шляпке, она уселась в первом ряду, небрежно положила клатч на колени. И улыбнулась.

Нет, не ласково и приветливо, не дежурно. Ярко, ослепи-

тельно, до костей обдавая присутствующих холодом. Не даром о ней в мире Высокой моды говорили – «Снежная королева».

Благосклонно приняв овации, мадам Стафф кивнула, разрешая начать дефиле.

Степан видел, чувствовал напряжение за кулисами. Физически осязал нервозность – для многих это единственный шанс. Попасть в поле зрения такого специалиста, удостоиться заинтересованного взгляда, кивка, упоминания – это, конечно, здорово. Но все участники дефиле в глубине души надеялись, что смогут подвинуть плечом двух претендентов на место стажера. Претендентов двое, место одно.

Все возможно.

Упавшая манекенщица, ослепленная слишком яркой вспышкой фотокамеры. Начавшаяся невпопад музыка, не успевшая переодеться девушка-модель, сломанный каблук. Вода на подиуме.

Степан нахохлился, оглянулся на своих моделей. Они не участвовали в других показах, жались у стены, освободив проход. Ангелина заканчивала делать макияж последней. Задумчиво разглядывала платья девушек. Что-то спрашивала у них, потом, оглянувшись стала искать глазами кого-то. Степан понял – его.

Подошел ближе. Взмахнул рукой, привлекая к себе внимание.

Дорогу преградил парень-журналист, бесцеремонно су-

нул под нос микрофон:

– Стефан, что вы чувствуете перед началом показа?

Степан отодвинул его руку, пробормотал мрачно:

– Я не даю интервью.

– А после показа? Эксклюзивное? Для портала «Trendsetter»!

Степан рассеянно кивнул:

– Потом... Возможно.

Музыка стала громче. Ведущий оглашал членов жюри, представлял гостям Марию Стафф. Зал взрывался аплодисментами, восторженными визгами.

Степан, двигаясь против людского потока, пробирался к своему закутку, настороженно наблюдал, как Ангелина подошла к девушке, которая должна была продемонстрировать финальную модель коллекции, поднесла руку к ее лицу. Степан заметил, как мелькнула в ее руках тонкая художественная кисть.

– Стой! – он рванул вперед, едва не сбил с ног зазевавшегося фотографа, напугал девушку-модель, но успел перехватить запястье. Девушка содрогнулась, сжалась, как от пощечины. Кисть выскользнула из рук, упала к ногам. – Не надо!

Ангелина смотрела на него, онемев. Глаза круглые, как блюдца, в них – растерянность и испуг.

Степан замер, медленно отпустил ее руку, смутился:

– Прости, – пробормотал. – Я тебя напугал, да? Мне показалось, что ты что-то хотела сделать с лицом модели...

Ангелина медленно выдохнула, опустила глаза. Степан видел, как она, по возможности незаметно, поправила напульсник. Он был уверен, что под ним темнел синяк. Нахмурился.

Девушка пожала плечами, выдохнула едва слышно:

– Не показалось. Я хотела нанести узор на скулу... Как на кружеве, вот здесь, – она подхватила пальцами ажурное полотно. – Я успею... Девушка в других показах не участвует, можно сделать индивидуальный образ. Это же ключевая модель в коллекции, она запомнится. Все остальные – не более, чем предыстория...

Она странно посмотрела на него. Осеклась, замолкая. Отвела взгляд. Настороженно и в то же время – с интересом и надеждой.

Степан покачал головой:

– Давай не будем, – надежда в беспокойных глазах девушки погасла. Степан покосился на пришедшее в движение закулисье, загремела музыка: для дефиле выстроилась первая коллекция. Чуть склонился к виску Ангелины, чтобы та слышала, проговорил отчетливо: – Хотя мне идея нравится. Просто сейчас уже лучше без сюрпризов.

Динамики заглушили конец фразы, но он надеялся, что девушка его услышала, догадалась по губам, почему-то ему показалось, что ей это важно.

– Британская Высшая школа дизайна представляет! – гремело из динамиков. – Коллекции выпускников текущего го-

да! Десять коллекций Haute couture! Десять незабываемых, талантливых молодых людей в сегодняшнем финале, которые поборются за звание лучшего дизайнера сезона. Лучшего, который получит золотой билет в мир Высокой моды! – гром аплодисментов. – Да, да, не жалейте аплодисментов... А я представляю вам первую коллекцию. Индира Красс из Амстердама и ее «Undeadwhite»!

Грянула музыка, отдаваясь мощным битом в грудной клетке. Степан автоматически покосился на коллекцию – белая снежить: изрезанная в клочья серебряная парча, десятки метров перламутровой органзы итуáli. Неестественные походки моделей.

Он снова повернулся к Ангелине. Та неохотно кивнула, дав понять, что услышала. Поискала глазами упавшую кисть, но Степан опередил ее, подобрал первым.

– Если я выиграю этот кастинг и стану одним из претендентов на стажировку в «Киар Алари», пойдешь в мою команду?

Девушка насторожилась, посмотрела куда-то мимо него, темные беспокойные глаза подернулись синевой, будто полыхнуло на их дне дьявольское зарево.

– Это же надо будет уехать на какое-то время, да? Ну. По крайней мере, пока будет идти отбор?

Ей приходилось вставать на цыпочки, чтобы дотянуться до его уха и докричаться.

Степан пожал плечами, скрестил руки на груди, наблюдая

за мимикой этой странной девушки:

– Ну, видимо да. Организаторы говорят о десяти днях...

Это проблема?

– Нет! – она крикнула и тут же осеклась, прошептала отчетливо: – Нет. Я буду только рада.

Ему показалось или вправду в ее глазах загорелась надежда? Странная девушка.

Он был последним. Перед ним – тот самый, который второй претендент и сын известного актера.

К Степану подошел Генчик, помощник режиссера-постановщика, ткнул в грудь:

– Сейчас идет «Алый след», следом ты. Приготовься, – он покровительственно похлопал по плечу: – И удачи!

Степан покосился на руку смазливового Генчика на своем плече, но промолчал. Удача ему не повредит.

В сердце шевелилась тревога, пробиралась под ребра, сбивала дыхание. Он даже не хотел продумывать варианты своих действий в случае неудачи. Отгонял от себя эту мысль, как назойливую муху, которая билась у виска. Потому что...

Он не успел додумать.

– Стефан Марроне Пасс! – Прогремело над залом. – Коллекция «Черный обсидиан»!

Свет из ванильно-розового стал кобальтово-серебристым,

россыпь мелких огней по подиуму, словно блики на воде.

Утробный гул, как биение огромного сердца... И чужой, незнакомый трек. Что-то тягучее, как расплавленная на солнцепеке смола, и такое же липкое. Модели замерли у кулис, оглянулись на дизайнера.

Молодой дизайнер оглянулся на площадку звукорежиссера – далеко. Режиссер Андрей, которому отдал флешку с запасным треком – тоже черти где. Решение пришло мгновенно:

– Вперед! – скомандовал девушкам-моделям.

И девушки вышли на подиум. Первая, с небольшим интервалом, вторая. За ней – третья. Одна за другой. Не зная, оборвется ли музыка, сменится ли ритм. Свет был выставлен по-прежнему под его, Степана, коллекцию, поэтому хронометраж не совпадал.

– Черт, – простонал Степан, выглядывая из-за кулис. Это провал. Причем провал заранее продуманный, подготовленный: утробный гул был началом его трека, выходит, кто-то специально перезаписал музыку.

Степан выглянул из-за кулис, нашел взглядом каменное лицо Марии Стафф – старушка, прищурившись, следила за моделями. Бесстрастно, холодно, будто опытный хирург препарируя каждую модель.

Степан не зря выбрал эту шестерку девушек. В отличие от всех остальных, эти двигались плавно, будто даже немного с опаской, не выбрасывая ноги, не лягаясь. Позировали

мягко, женственно. Музыка, даже эта, чужая, усиливала этот эффект. Ткани струились, поблескивая в софитах стразами, пайетками, переливаясь тончайшей бахромой. Светлая девичья кожа просвечивала сквозь кружева. Синий свет софитов добавлял глубину и пресловутую магию.

Коллекция выглядела иначе.

«А узор на скулах-то был бы сейчас очень кстати», – подумал дизайнер и отвернулся: сейчас уже ничего не исправишь.

Глава 4. Побег

Она уже заканчивала работу над мейком шестой модели, когда, наконец, увидела полный образ – девушки успели переодеться. Черное кружево, плотное, тугое, обтягивало фигуры, будто вторая кожа. Тяжелый шелк струился по ногам, ниспадал шлейфом. Лаконичная прическа девушек. Лаконичный макияж.

«Черт, все такое миленькое, такое гладенькое», – подумала, ясно осознавая, что образ получился слишком продуманным, выхолощенным.

– Стефана не видела? – спросила у модели. – Он мне нужен.

Та неопределенно пожала плечами и кивнула куда-то в зал. Ангелина оглянулась, искала в толпе мрачную, натянутую словно струна фигуру дизайнера. Не нашла.

«Черт тебя подери, Стефан Марроне».

Достала тонкую художественную кисть, мягкую, с длинным черенком, какими пользовалась еще в художественной школе, и баночку с черным гримом.

– Иди сюда, – поманила к себе девушку, которая должна была демонстрировать финальное платье.

Чуть повернула лицо модели влево, прищурилась. Обмакнув кончик кисти в краске, поднесла к скуле. На сцене, кажется, началось шоу – грохот музыки, взрывы аплодисмен-

тов и шуточки ведущего. Ангелина сосредоточилась. Посмотрела еще раз на линию лифа девушки-модели, запомнила приметную деталь – длинный, вытянутый лист.

Медленно выдохнула, чтобы рука не дрогнула. Наклонилась к модели.

Суета за спиной, грохот перевернувшегося стула:

– Стой! Не надо! – боль на истерзанном запястье, едва прикрытом напульсником.

Черноволосый дизайнер вырос будто из-под земли, выбил из рук кисть. От неожиданности и внезапной боли, Ангелина ее выронила. Та подлетела вверх и упала под ноги, закатилась под стул.

«Черт», – успело промелькнуть в голове.

Девушка заметила удивление в его глазах. Непонимание. Похолодев, заметила, как его взгляд зацепился за оголенное на мгновение запястье с кровоподтеком. «Черт», – повторила про себя.

Поправила широкий напульсник.

Она неловко отвернулась, чтобы перевести дыхание. Рассеянно провела по лицу, убирая пряди со лба. Стало жарко. Агрессивные биты отдавались в грудной клетке, вибрировали десятками децибел.

Другая огрела бы его за такое. А эта молчит и прячет взгляд. Стефан смутился, отпрянул.

– Прости, пожалуйста. Напугал? – Он невесомо дотронулся до локтя.

Ангелина посмотрела на него исподлобья, тяжело и опасно, скользнула по лицу. Благородное и гордое. Только сейчас она поняла, что новый знакомый немного похож на главного героя из фильма Мела Гибсона про индейцев майя... Красивый и мужественный. «Интересно, свою семью он также готов защищать, как тот, киношный?» – глупая мысль промелькнула и растаяла за неуверенностью – она больше не доверяла первому впечатлению. И второму – тоже.

Дизайнер виновато покосился на идеальный мейк-ап модели.

– Мне показалось, что ты что-то хотела сделать с лицом...

– Не показалось. Я хотела нанести узор на скулу... Как на кружеве, вот здесь, – она подхватила пальцами ажурное полотно, показала фрагмент рисунка, который хотела скопировать на кожу. – Я успею...

Парень покачал головой, попросил, перекрывая нарастающий шум:

– Не надо. Давай оставим, как есть.

Ангелина хотела переубедить, потому что была уверена – права. Но парень упрямо сомкнул губы, и девушка поняла – не услышит.

«В конце-то концов, это его дело», – отметила про себя.

Прикинула, что за две отработанные коллекции получит удвоенную плату. Этого хватит, чтобы сбежать, лечь на дно на какое-то время. Найти работу и начать новую жизнь.

Она наклонилась, чтобы поднять упавшую кисть. Стефан опять опередил ее, подцепил деревянную ручку, протянул девушке:

– Если я выиграю этот кастинг, пойдешь в мою команду? – прокричал в ухо.

И встал, помогая ей распрямиться.

Предложение застало врасплох, новый знакомый будто только что прочитал ее мысли. Но это, конечно, невозможно – никто не умеет читать чужие мысли.

– Это же надо будет уехать на какое-то время? Ну. По крайней мере, пока будет идти отбор? – Теперь ей пришлось встать на цыпочки, чтобы он ее услышал.

Музыка заглушала слова, била по барабанным перепонкам. Вокруг нарастала суета, кто-то толкнул ее в спину.

Стефан пожал плечами, скрестил руки на груди, посмотрел прямо перед собой:

– Ну, видимо да. Организаторы говорят о десяти днях... – и будто приколот ее в бархатной подушке вопросом: – Это проблема?

– Нет! – она крикнула и тут же спохватилась, осеклась, прошептала отчетливо, старательно пряча радость: – Нет. Я буду только рада.

Уехать! Неужели ей удастся уехать?

После показа Ангелина замерла справа, едва касаясь его плеча, будто опасаясь, что волшебная нить, которая должна выдернуть ее из сегодня, исчезнет. Девушка тайком подглядывала за новым знакомым с иностранным именем Стефан Марроне Пасс. Видела напряжение, с которым он провожал взглядом коллекцию Ивана Сёверова, своего прямого конкурента на место стажера в «Киар Алари». Кажется, она даже могла слышать рваное дыхание молодого человека, такое же рваное, как ее собственное. «Неужели для него это все значит столько же, сколько для меня?» – под сердцем стало горячо.

Она приблизилась еще на полшага, воспользовавшись суевой за кулисами, привстала на цыпочки и заглянула через плечо Стефана в зал. Сразу поняла, куда тот смотрит: Мария Стафф что-то комментировала организаторам. Играла приятная музыка, развлекая гостей в перерыве. Кто-то торопился засвидетельствовать свое почтение знаменитой гостье, но его отгородила помощница Марии Терезы.

– Это провал, – Ангелина отчетливо услышала голос дизайнера.

– Что?

Не отрывая взгляда от знаменитой гостьи, он повторил:

– Это провал. Меня нет в списке...

– Да ладно, что за настроения? – девушка отмахнулась. И тут же уточнила: – Или ты по губам читать умеешь?

– Умею... Она выбрала Ивана Северова.

Стефан обернулся, посмотрел мрачно и тут же отвел взгляд. Темный, как южная ночь. Напряженный.

– Послушай, ты напрасно драматизируешь, – Ангелина взяла его за руку, коснулась плеча. – Надо дождаться результатов.

Он мрачно кивнул, снова посмотрел на сцену. Рядом поздравляли Ивана Северова, говорили о блестящей победе – это витало в воздухе, искрилось софитами, срывалось подобострастным вниманием к дизайнеру. Да и сам Северов, казалось, был уверено в победе: смерил взглядом Стефана, презрительно скривился, заметив рукопожатие Ангелины и ее горячую поддержку. Величественно прошел готовиться к оглашению результатов.

– Держись! Еще ничего не решено, – Ангелина упрямо сжала локоть нового знакомого.

Он подарил ей надежду. Она не могла упустить свой шанс оказаться на корабле, далеко от Игоря, там, где он ее не найдет и не достанет. А, если повезет, то она сможет найти работу в Европе. И тогда его руки точно окажутся коротки.

Тогда – свобода.

Она метнула взгляд на Марию Стафф, сидевшую в первом ряду с таким же непроницаемым лицом, как и прежде.

Стихла музыка, ударили фанфары, привлекая внимание

гостей. Ведущий громогласно объявил:

– Дамы и господа! Мы готовы объявить финалиста сегодняшнего состязания. Я приглашаю на сцену наших дизайнеров! У нас уникальный шанс аплодировать восходящим звездам российской Высокой моды. Уверен, мы еще услышим их имена на мировых подиумах. Рина Казанкова! Софи Стоун! Ирвин Ханг! – он называл одного за другим участников показа. Стефан выдвинулся вперед, приготовился подняться на сцену.

Иван Северов, пристроившись за ним, отчетливо прошипел:

– Что? Суши весла, Командор!

Ангелина, услышав странное прозвище с удивлением посмотрела на Стефана, тот равнодушно повел плечом. Ответить не успел.

– Стефан Марроне Пасс! – зал взорвался аплодисментами.

Ангелина выглянула из-за кулис: ей показалось или Мария Стафф, действительно улыбнулась ее новому знакомому.

Стефан встал рядом с коллегами, сдержанно хлопал. Прямая спина, напряженные плечи, туго обтянутые темной футболкой. Ни капли наносного пафоса или игры.

– Иван Северов! – Снова гром аплодисментов и очевидное сияние на лице организаторов дефиле и представителей школы.

«Черт!» – Ангелина с разочарованием закусила губу: похоже, Стефан прав – победителем станет Северов.

Ведущий бодро рассказывал о конкурсантах, пригласил на сцену директора Британской школы дизайна и лично Марию Стафф. Пожилая дама величественно поднялась. От сцены отказалась, приняла из рук ведущего микрофон. Директор приготовилась переводить.

– Дорогие друзья, – очаровательно улыбнулась Мария Стафф. – Сегодня удивительный день. Он стал удивительным для меня – я впервые оказалась в Москве, и русская столица встретила меня проливным дождем. – Зал дружно засмеялся и зааплодировал. – Да. Не очень приветливо. Но все изменилось, когда я оказалась здесь, в этом зале. Теплая атмосфера разогрела мое старое сердце, – кокетничала старушка. – А столь юные и талантливые коллеги приободрили мою веру в будущее. Оно будет прекрасным. Для кого-то оно наступит уже завтра. Для кого-то – чуть позже. Но обязательно наступит... Сегодня Дом Высокой моды «Ки-ар Алари» выберет последнего претендента на единственное место стажера Дома моды. Практика в лучшем и старейшем Доме моды Европы, работа бок-о-бок с лучшими мастерами, крупнейшие подиумы мира и десять персональных коллекций под собственным брендом. Это билет в мир Высокой моды, – она благосклонно приняла бурные овации. Взмахнула рукой, потребовав тишины.

Она кивнула директору Высшей школы. Та объявила:

– Этот конверт с билетом на круизный лайнер «Жемчужина морей», билеты на самолет до Барселоны, подробные инструкции и приглашение я вручаю победителю сегодняшнего конкурса. Единогласным решением жюри право представлять Высшую школу дизайна в творческом конкурсе Дома Высокой моды «Киар Алари» предоставляется...

Она сделала пас пожилой даме, предоставив возможность назвать имя. Зал замер, затаив дыхание.

– Ивану Северову! Поздравляем!

Зал вздрогнул и зашелся в экстазе, Иван величественно взмахнул рукой, точно размеренным движением стер со щеки скупую слезу. Подошел к директрисе, принял конверт с билетом и приглашением. Театрально поклонился, припал губами к руке знаменитой старушки.

Ангелина не спускала глаз с напряженного профиля Стефана. Тот продолжал улыбаться так, будто сейчас ничего не произошло. Но обострившиеся скулы, плотно сомкнутые губы, напряженный разворот плеч выдавали его с головой.

Мария Стафф снова подняла микрофон.

– Иван впечатлил нас смелостью образов, мне было бы интересно понаблюдать за его ростом. Но также меня заинтересовала еще одна коллекция, – зал замер. Окаменел. Ангелина видела из своего укрытия, как Стефан обратился в слух. Мария продолжала: – Это противоречит нашим правилам. Претендентов на место стажера в «Киар Алари» должно быть десять. Но я стара и мне иногда хочется, чтобы обо мне

помнило чуть больше людей. Поэтому сегодня я сделаю сенсацию и приглашу одиннадцатого финалиста. Я думаю, это человек сможет меня удивить. Стефан Марроне Пасс!

Одно мгновение преобразило дизайнера. Мимолетная улыбка, движение грудной клетки, подсказавшее, что он снова может дышать. Он бросил взгляд за кулисы, словно точно знал, что там есть человек, кому это так же важно – его победа сегодня. Поймал взгляд Ангелины и подмигнул. Только ей.

«Пусть заскочил в вагон уже тронувшегося поезда, – успокаивал он себя, – все равно, я в деле. Я еще докажу Марии, что она не зря рискнула и взяла меня!».

Степан упаковал и пронумеровал коллекцию, опечатал кофры и коробки – организаторы забирали коллекции участников и отправляли сразу на рейс. Далее – на корабль. Молодой дизайнер сделал опись каждой коробки, отметил все мелочи и аксессуары – знал, что полчаса лишнего времени сейчас могут спасти его там, на лайнере.

В итоге вышел из галереи последним.

Посмотрел вслед удаляющегося минивэна с коллекциями его и Ивана Северова, последних финалистов и участников конкурсного отбора.

В голове медленно скользили огненно-красные образы из

дефилие Ивана. Все-таки когда-то они дружили, даже сплавлялись вместе. Но дружба не знает конкуренции. А Иван назначил Степана конкурентом.

«Пусть так», – отметил про себя Степан.

Он подошел к машине, с пульта завел двигатель. Сел на водительское место, положил голову на подголовник. Прикрыл глаза.

Бесконечный день перевалил зенит, близился к вечеру. Завтра – вылет и посадка на борт «Жемчужины морей», круизного лайнера. Начало бешеной гонки за будущее. Начало войны всех против всех.

Он готов к честной борьбе. Но будет ли она – честная борьба?

Молодой дизайнер посмотрел на низкие облака, прислушался к шуму ветра, шелесту листвы. Надо ехать, собираться. Решительно захлопнув дверь, медленно тронулся со стоянки.

Выехал на шоссе, перестроился в крайний левый ряд, добавил скорости. Отрегулировал громкость музыки. Четкий ритм настраивал на рабочий лад, заставлял ровнее биться сердце, прояснял мысли. Мысли, по сути, безрадостные. Победа сегодня – аванс. Дальше не стоит рассчитывать на снисхождение. Более того, чутье и холодный расчет подсказывали, что он – легкая мишень на удаление с конкурса в первый же день. Он – самое слабое звено. Звено, созданное специально, чтобы быть выбитым первым.

Но предупрежден – значит вооружен.

«Еще побарахтаемся», – подумал решительно, свернул с эстакады в сторону дома. Мелькнул перечеркнутый указатель «Москва».

Крутой поворот направо, спуск под мост.

Степан привычно притопил педаль тормоза. Та легко ушла в пол.

– Что за черт? – молодой человек раз за разом вдавливал педаль. Та проваливалась, беспомощно скрипела.

Скорость на крутом спуске росла.

Автомобиль лавировал между машинами, сигналы соседних машин сыпались, разбиваясь об окна.

– Черт, – молодой человек вывернул руль вправо, ловко избежав столкновения с малолитражкой со знаком «ребенок на борту» на заднем стекле.

Автомобиль занесло, развернуло на дороге, юзом протянуло еще несколько десятков метров, чтобы выбросить в кювет. Земля подпрыгнула, бросила в лобовое стекло гравий и мокрую землю.

Удар по грудной клетке, натянутый до предела ремень безопасности подхватил корпус. В боковые зеркала Степан видел, как остановились на обочине несколько машин, как из них выпрыгнули люди и бросились к нему.

С трудом потянулся влево, чтобы отстегнуться, но руки свело до судорог, вспотевшие пальцы проскальзывали мимо крепления. Тогда он протянул руку, чтобы открыть дверь.

– Жив? – раздалось у виска с сильным южным акцентом.

Запах сырой земли и свежескошенной травы ворвался в салон.

Вдалеке кто-то спрашивал:

– Пьяный, небось?

Кто-то тряс его за плечо. Чьи-то чужие руки отстегивали крепление на ремне безопасности, вытаскивали тяжелое, будто чужое тело.

Мягкая трава под спиной, приятная спасительная сырость.

«Жив», – мысленно отозвался, прислушиваясь к приближающемуся вою сирены.

Он еще никогда так не кричал. Громогласно, не выбирая выражений, выплевывая обвинения и не сдерживаясь в эпитетах. Целиком отдаваясь процессу и пользуясь отсутствием дома супруги.

– Сопляк! Что ты вообще о себе возомнил?! Ты думаешь, что вечно будешь на моей шее?! Нет уж, баста! – и накрыл трехэтажным матом, обильно смешанным с бранью на испанском. В ссоре Грегорио Пас Фернандес мало чем отличался от своих предков-сапожников. Особенно, если как сейчас, она случалась в отсутствие супруги.

Степан, уставившись на стол, упорно молчал. Грудная

клетка болела от удара, на ладонях остались отпечатки от ногтей – с такой силой он вцепился за руль во время аварии.

В протоколе значилось «не справился с управлением». Он сделал отметку об отказе тормозной системы, пусть проверят. В голове шумело, а в груди расцветало тупое равнодушие к происходящему. Даже к крику отца.

Он не рассчитывал на радость со стороны родителя. Но, правда, и к такому приему оказался не готов. От нецензурной брани отца мрачно повел плечом, распрямился.

– Я не очень понимаю. Ты что, только что сейчас узнал, что моя профессия – дизайнер? Ты где все эти годы был? На Луне?

Отец треснул по столу, тот жалобно подпрыгнул.

– Да я до последнего надеялся, ждал, что ты образумишься!

– А с чего бы мне это делать? Мне нравится то, чем я занимаюсь.

Отец с чувством махнул рукой:

– Не говори даже об этом! – немного овладев собой, отец прошел к окну, одернул занавеску. – С твоей головой, образованием... Стефан, ты можешь сделать неслыханную карьеру! А этот твой дизайн, – отец сильно жестикулировал, задел абажур, поймал его руками, чтобы не раскачивался: – Черт. Это путь в никуда, путь неудачников... Ты даже имя свое настоящее скрываешь!

Степан усмехнулся:

– Я думал, ты этому только рад – не буду позорить знаменитого отца своими неудачами...

Отец шумно фыркнул, прошелся по кухне.

– Ты много знаешь тех, кто прорвался? Кто стал знаменит? Чьи имена украшают витрины?.. А? Это блажь, Стефан. И она должна иметь границы.

Степан медленно поднял глаза, посмотрел спокойно.

– Это не блажь. Это мой выбор.

Отец неожиданно остановился перед ним, сверкнул молниями в черных как дикие омуты глазах:

– Выбор, говоришь? Так вот с этой минуты я тебе ни копейки не дам, понял?! Посмотрим, как твой выбор будет тебя кормить.

Степан неторопливо встал. Уперся руками в стол. Грудная клетка так болела чуть сильнее. Молодой человек выдохнул:

– Хорошо... Как скажешь.

Развернулся и направился к выходу. Отец растерялся:

– Ты куда собрался?

Сын остановился на пороге:

– Устраивать свою жизнь. Без твоих денег.

– Стефан, остановись! – в голосе отца звучала угроза.

Парень обернулся, посмотрел через плечо:

– А то что?

– Уйдешь, обратно не пущу на порог...

Степан кивнул:

– Я и не собираюсь возвращаться. Кстати, ты, наверно, за-

был, что я уже давно оплачиваю свое обучение сам, так что лишение наследства и изгнание из дома – это так себе наказание.

Отец прогремел:

– Стефан!

На этот раз Степан не обернулся. Стремительно вышел в коридор, подхватил заранее приготовленную дорожную сумку. Бросив короткий взгляд на ключи от машины, оставил их на столике. Поверх квитанции ЖКХ написал: «Мама, люблю!» – и вышел из квартиры, отсекая все: ссору с отцом, аварию, прошлые удачи и неудачи – оставляя это на небольшом прямоугольном листке.

Глава 5. Без права вернуться

Она притаилась на детской площадке перед домом и поглядывала на часы: еще пятнадцать минут до принятия решения. И потом надо или включать сотовый, отсчитывать двенадцать минут на маршрут от метро до дома и подниматься, или перечеркнуть настоящее.

Обхватив себя за плечи, раскачивалась взад-вперед. Минуты тикали одна за другой. Решение не приходило.

Еще одна невыносимая ночь с Игорем, когда уже мысленно попрощалась с этой жизнью, и завтра – отлет в Испанию, чтобы сесть на «Жемчужину морей» вместе со случайным знакомым, Стефаном Марроне. Или бросить все прямо сейчас, включая заманчивое предложение нового знакомого, и по заранее заготовленному маршруту рвануть в Питер? Там ее ждет квартира школьной подруги, которая уехала в отпуск на неделю. А за эту неделю можно найти работу и устроиться в новом городе.

Одна ночь и – возможно – полная свобода? Или немедленный побег и риск, что Игорь ее найдет в Питере?

Однажды она пошла купаться в проруби. На Крещение. Ей было пятнадцать или около того. За домом бабушки была река и довольно удобный спуск к воде. Соседи прорубили прорубь, батюшка освятил ее. И Ангелина стояла у шаткого деревянного помоста, мялась в резиновых тапках. Чув-

ствовала, как ледяные иголки пронизывают насквозь. Представляла, как сейчас сделает еще один шаг на одну ступеньку вниз, и ноги лизнет могильный холод. Грудь перехватит мертвенным обручем, вылакав из легких жизнь. Пальцы прилипали к поручням, а от черной воды поднимался прозрачный пар. Манил к себе.

Тогда Ангелина так и не смогла войти в воду. Она всегда была трусихой.

Сейчас ничего не изменилось.

Что выбрать?

Посмотрела на часы – три минуты на раздумья.

Завтра у нее не будет повода уходить из дома, да и не факт, что Игорь отпустит ее, даже если она его придумает. От мысли, что жених может просто запереть ее дома, стало холодно и липко.

Тогда второго шанса не будет.

Девушка смотрела на часы, следила за стремительно мчащейся вперед секундной стрелкой.

Представила руки Игоря на своем теле, его серый блокнот и три кубика льда, покачивающихся в прозрачной воде. К горлу подступила тошнота.

Включить телефон все равно придется – она должна со звониться со Стефаном, передать ему паспортные данные для билета. Включить телефон, отправить заранее заготовленное сообщение и тут же выключить.

Сердце билось учащенно, страшно. Будто намереваясь

выпрыгнуть из груди. Руки вспотели.

Девушка подтянула бафф к переносице, погладила черный экран мобильного.

Помедлив еще мгновение, она все-таки надавила сбоку кнопку.

Телефон дернулся в руке, разноцветными огнями загорелся логотип, одна за другой на главном экране проявлялись иконки приложений. Ангелина выдохнула, с настороженной надеждой уставилась на иконку входящих сообщений мессенджера, ожидая послание от Игоря – может быть, у него внезапная командировка, или на работе задержится?

Но вместо этого сотовый подпрыгнул от входящего звонка.

Ангелина едва не выронила телефон в песок, подхватила на лету.

Неизвестный номер, безликая аватарка.

– Алло...

– Геля, привет, это Стефан Марроне, – у него немного изменился тембр, стал чуть ниже. И говорит будто через силу.

В груди что-то оборвалось:

– Да. Что-то случилось? – с ужасом представила, что он сейчас отменит свое предложение.

Прислушавшись, она отчетливо разобрала шум города из динамика.

– Нет, ничего... Я что звоню... – Он откашлялся. – Ты только ничего такого не подумай... Скажи, я могу у тебя пе-

реночевать?

Она озадаченно округлила глаза, посмотрела на три больших окна квартиры. Решение пришло само. Девушка усмехнулась:

– Если честно, я сама была готова тебе звонить с тем же самым предложением...

Молчание в динамике, шелест проезжающих мимо машин.

– Гм, вот так совпадение, – дизайнер рассмеялся. – Так выходит мы оба сегодня бездомные...

– Ну да, вроде того...

– А ты сама где? – Ангелина назвала станцию метро. Стефан обрадовался: – Тогда предлагаю: пошли ужинать. А там война план покажет...

Он назвал адрес пиццерии в центре.

Ангелина кивнула и нажала кнопку отбоя, тут же заметив иконку входящего сообщения. Игорь. «Чуть задержусь. Буду в 22-30».

Девушка посмотрела на часы: у нее ровно тридцать минут и неожиданный шанс собрать вещи. Подхватив рюкзак, она рванула домой.

Игорь сразу почувствовал что-то неладное – окна квартиры оказались не освещены. Подходя к подъезду, он повел

широким плечом, мысленно сделал пометку в сером блокноте. Жирная, отчетливая метка – треугольник, закрашенный лишь наполовину.

По губам скользнула холодная предвкушающая улыбка.

Он вставил ключ в замок, толкнул дверь, прислушиваясь к непривычной тишине.

Он не любил приходить в пустую квартиру.

Не любил, когда его не ждут.

И сегодня темнота раздражала даже больше обычного, будто засасывала в свое ненасытное нутро.

Игорь, шагнув в квартиру, закрыл за собой дверь, бросил ключи на тумбочку и только после этого включил свет. В глаза бросилась распахнутая дверь в ванную.

Он брезгливо поморщился.

– Лина! – резко позвал в тишину.

Прошел в ванную, заглянул – ничего особенного. Пожал плечами. В гостиной тоже все, как обычно: плоский телевизор на полстены, диван с ровно выстроенными уголок к уголку подушками, стопка журналов на столике, рядом – пульт от ТВ. Благоустроенный быт хорошо обеспеченной семьи, не обремененной детьми и хлопотами.

Он сам не понял, почему в памяти всплыло это «не обремененные детьми». Он хотел детей. Не потому, что любил их или ему нравилось с ними нянчиться. Нет. Но ребенок – это еще одна уязвимость Лины. Еще один пункт в заветном, четко разлинованном блокноте. С ребенком бы он привязал ее

к себе навсегда. Но беременность никак не наступала. Врач разводила руки, предлагала ждать.

Игорь, толкнул дверь в кухню и тут же – в спальню. И замер на пороге: платяной шкаф оказался распахнут. На полу, на кровати разбросаны вещи. Он пригляделся – вещи Анжелины. Ее платья, джемперы и пиджаки. Юбка, которую он купил ей на 8 марта, она так и не стала ее надевать.

Мужчина переступил порог, окинул взглядом комнату. Выдвинул верхнюю полку комода, где хранились украшения Анжелины – все на месте, ни одной пустой ячейки. В сердце закралось сомнение – это не кража. Что-то другое. Из-за чего потяжелели кулаки, распрямились плечи. Отбросив ногой Анжелинино платье, он быстро вернулся в ванную, распахнул шкафчик. Заглянул внутрь: подставка с зубной щеткой Анжелины пустовала, а на самом видном месте, словно пощечина ему, лежал использованный блистер от противозачаточных таблеток.

– Тварь! – прошипел.

Так вот почему она не беременела!

Захлопнул дверцы так, что затрепетали баночки с шампунями.

Первая мысль – куда она могла пойти. Подруг у нее не осталось. Денег он ей оставлял ровно столько, сколько нужно для ведения хозяйства и проверял все счета. До копейки. Некуда ей бежать! И не на что.

Он метался по пустой квартире, чувствуя, как мысли от

бешенства перестают фиксироваться, слипаясь в одно черно-оранжевое полотно, застилая глаза.

– Тварь, – повторял снова и снова, будто вбивая грязную брань в лживый образ Ангелины. Она казалась сломленной, послушной и податливой.

Рванул дверцу бара на себя и сделал то, что не позволял себе делать много лет, со студенчества, – откупорил крышку и влил в горло виски. Закашлялся.

Тяжело облокотился на стойку. Тихо выругался, чувствуя, как становится легче: мысли становятся четче, яснее.

Только от этого не лучше. После смерти родителей Лины год назад, он так расслабился, так уверился в полном контроле над ее жизнью, что не особо вникал, где она работает. Вроде как визажист. Мир моды его не интересовал, он считал его абсолютно пустым и стерильным – поверхностные интересы, разговоры о тряпках и распродажах, мужики если есть, но все равно что бабы. Игоря это устраивало.

Лину иногда звали на показы. Тогда она приносила какие-то смешные деньги, выходило пять или шесть тысяч в месяц.

В груди стало горячо, душно: у нее что-то изменилось за последнее время.

Он снова и снова прокручивал последние недели, пытаюсь найти знаки, мимо которых он прошел. Взгляды, оброненные фразы. Попытки что-то спрятать... И ничего не находил. Та же настороженная покорность. То же напряжение.

Но что-то изменилось.

Появилось упорное молчание. Демонстративная покорность. Вызов.

Ему это нравилось. Игорь схватил свой сотовый, просмотрел список контактов: ни одного, чтобы выяснить, где она была сегодня.

С остервенением врезал по стене, до боли, до искр из глаз, до сорванных в кровь костяшек.

– Я найду тебя, лживая тварь, – тихо пообещал. – И ты пожалеешь, что родилась.

Уже поздно ночью, доведя себя до состояния тупого животного, перестав чувствовать и понимать, он нажимал кнопки пульта управления.

– Завтра днем ожидается...

Прогноз погоды. Щелчок.

Погоня. Мужик упал. Крупный кадр и его остановившийся взгляд. Щелчок.

– Ставка рефинансирования...

Щелчок.

Простенькая песенка, девица вертит тощим задом перед камерой. Думает, это кого-то заводит. Щелчок.

Черный автомобиль в кювете, толпа народу вокруг. Полиция. Скорая. Бегущая строка внизу экрана. Игорь успел прочитать «авария», «не справился с управлением». Хотел уже переключить. Когда сменился кадр: огни, модный показ, тощие модели плывут по подиуму. И голос диктора:

– Примечательно, что пострадавшим оказался Стефан Марроне Пасс – восходящая звезда мира высокой моды. Сегодня он подписал контракт и стал одиннадцатым претендентом на место стажера...

Модная старуха в желтом. Группа людей на сцене... Аплодисменты...

Не интересно.

Мелькнувшее на заднем плане, у кулис, лицо Ангелины.

Игорь подскочил, добавил звук. Но диктор уже начал новый репортаж.

Мужчина бросился к компьютеру, загрузил браузер. Забил в поисковик «Стефан Марроне Пасс». Сегодняшний показ. Новости с пометкой «молния».

Фото разбившегося авто. Молодой парень, немного растерянный и хмурый. С диким взглядом. По виду – иностранец.

Игорь прокрутил джойстик вниз, просмотрел другие новости. Через пару минут он знал все.

«Значит, «Жемчужина морей».

Игорь распрямился, мгновенно протрезвел. Сжал кулаки.

– Слушай, я даже не думал, что это такой кайф – быть без машины. Кажется, что всю жизнь я собирал московские пробки, чтобы сегодня просто дышать городом.

Они уютно устроились у окна. Небольшой столик на дво-

их, диванчики. Между ними – свеча и миленький букетик крохотных подмосковных роз, с крохотными же, чуть больше вишни, бутонами. Золотой свет кружевного абажура скрадывал краску, которой заливалось лицо девушки, освещал интересом глаза ее собеседника. Стефан охотно болтал, не позволяя паузам затягиваться, и Ангелина никак не могла понять – то ли он просто деликатно дает ей возможность осмотреться, то ли просто болтун. И если в первом случае его болтовня вызывала симпатию, то во втором – раздражала.

Ангелина толкнула ногой дорожную сумку, сунула глубже под сидение.

Она предпочла бы место у стены, в углу. Но новый знакомый потащил ее к окну – любоваться ночным городом. Здесь же ей все время казалось, что мимо проходящие официанты и гости небольшой пиццерии, поглядывают на них, как на пару. И от этого она боязливо поглядывала в окно: ей все время казалось, что сейчас в нем мелькнет профиль Игоря, его удивленный и строгий взгляд.

– Мне кажется, ты нервничаешь. Это так? – Стефан неожиданно умолк, положил руки перед собой. – Эта поездка далась тебе дороже, чем ты планировала?

Ангелина посмотрела на него и поняла, что не хочет, чтобы он знал. Он – мостик в новую жизнь, без Игоря. Тащить в нее прошлое – это все равно что в грязной обуви по только что вымытому полу. Неслыханно. Обидно. И глупо.

Она осеклась. Автоматически поправила напульсники. Призналась честно:

– Я не очень хочу говорить об этом. Ты не обидишься, если я промолчу?

Он моргнул. Могла бы просто перевести разговор на другую тему или сказать, что не хочет отвечать. Но вот это «не обидишься ли ты, если я не отвечу» заставило Степана посмотреть на нее внимательнее.

Она красивая. Невероятно, ослепительно. С таких лиц рисовать Мадонну. Тонкие, изысканные черты, чуть опущенные ресницы, смуглая и при этом тонкая, чувственная кожа. Она никогда не смотрит прямо перед собой, будто всегда отгораживаясь от окружающего. Она улыбается мягко и застенчиво, будто в себя.

Стефан привык к яркой, броской красоте, красоте напоказ. И эта девушка притягивала, словно магнит, и искрилась тайной. И это заставляло, затаив дыхание, любоваться ею, словно подглядывать. Что, собственно, он и делал – замерев и забыв о приличиях, пялился. Она бросала на него настороженные взгляды и смущенно отворачивалась. А он продолжал смотреть, не в силах отвернуться.

И чувствовал, как что-то подспудное, дикое, пробуждается в нем: Стефан поймал себя на мысли, что хочет ее поцеловать.

– Да ну, – воскликнул скорее этой шальной мысли, чем деликатному вопросу Ангелины. Спыхватился, откашлялся.

Передвинул приборы на столе, чтобы скрыть неловкость – он-то свои мысли прекрасно слышал. Сообразил, что вырвавшаяся фраза все-таки подходит к их странному разговору, отмахнулся: – Не хочешь, не рассказывай, конечно.

Им принесли закуски, пищу и два бокала красного вина.

– Давай, отпразднуем с тобой начало новой жизни, – он поднял свой бокал. – Во всяком случае для меня. Сегодня я обматерен на двух языках, лишен крова, наследства и финансирования. Для меня этот кастинг «Киар Алари» – единственный шанс не умереть от вечного позора.

Он лукаво подмигнул.

Ангелина смущенно улыбнулась:

– А оно точно того стоит – оказаться без крова, путей назад?

Стефан вдруг стал серьезным:

– Стоит, Геля... Страх отнимает половину жизни, неуверенность превращает ее остаток в серое болото.

Ей нравилось, что в этой, новой жизни ее зовут «Геля». Непривычно и солнечно. Она улыбнулась:

– Что будешь делать, если не пройдешь кастинг?

– Не знаю. Об этом я буду думать, если это случится. Мысли материальны. Если ты придумал запасной путь, он тебе непременно понадобится, – молодой человек поставил бокал на стол. – Если эта поездка важна для тебя так же, как для меня, то ты тоже не должна думать о возвращении назад.

От мысли вернуться Ангелину пробрало до костей. Голос

изменил ей, дрогнул:

– Можешь быть уверен, я с тобой пойду до конца.

В ее глазах полыхнуло то темное, беспокойное, что он заметил еще при первом знакомстве. Сейчас оно горело лихорадочным огнем.

«Что же с тобой произошло, Ангелина Фролова?».

– Раз уж мы на сегодня бездомные и безлошадные, то предлагаю сдать сумки в камеры хранения на ж/д вокзале и отправиться гулять по Москве, – он решительно изменил тему разговора, чуть подался вперед, чтобы успеть поймать ускользающий блеск в глазах спутницы. – отоспимся в самолете и на «Жемчужине». Как считаешь?

Девушка отвела взгляд, улыбнулась уголками губ.

И, подумав, кивнула.

Ночная Москва нравилась ей чуть больше. Особенно после недавнего ливня: чуть ярче цвета, чуть больше бликов и гламура, чуть расслабленнее лица.

– Эти русские никогда не улыбаются, – пробормотала, не поворачиваясь к собеседнику.

Они мчались в авто, в гостиницу. Марию звали в оперу – она сослалась на головную боль. Ее приглашали в ресторан – она отказалась и от этого. Единственное, чего ждала весь этот долгий день – остаться одной. В номере. Ощущая

прохладу белоснежных простыней. Впитывая шорохи чужого города.

– Я так и не понял, зачем ты это сделала, – ее собеседник сердито оторвал взгляд от просмотра соцсетей, покосился на помощницу. – Зачем этот, одиннадцатый?

Мария Тереза прикрыла глаза. Сказать, что этот мальчик напоминает ей ушедшую молодость? Что она верит в его талант? Что весь этот конкурс она затеяла ради него, а он сегодня облажался так, что ей пришлось применить все свое влияние? Ничто из этого не выглядело правдой. Потому что не было ею. И ее собеседник, как дикий пес чует фальшь за километр.

– Считай это старческой прихотью, – отозвалась, наконец.

– То есть, если перевезти на общечеловеческий, старческим маразмом?

Мария вспыхнула, бросила короткий и острый взгляд на тактично растворившуюся в полумраке салона помощницу. Уставилась на собеседника:

– Что ты себе позволяешь?! Забыл, из какого дерьма я тебя вытащила три года назад?!

Собеседник презрительно фыркнул:

– Пьяный и обдолбанный я творил так, что был знаменит. А сейчас ты набираешь сопляков, чтобы заменить меня.

– Дэйли, не беси меня, – улыбка Марии Стафф все больше напоминала бульдожий оскал.

Дэйли пожал плечами:

– Больно надо. По сути, мне плевать. Я всегда знал, что ты выкинешь меня на улицу, когда наиграешься в благотворительность.

Мария Стафф равнодушно отвернулась к окну.

– Мне все равно, что ты думаешь. Этот конкурс сделает «Киар Алари» знаменитым. Подарит ему вторую молодость. Былое величие. Новых клиентов. Новое дыхание.

– А как же я? – Глаза молодого человека блеснули в темноте.

– Ты так же будешь курировать коллекции, вести поставщиков и ключевых клиентов...

Дейли понимающе кивнул:

– Будешь держать меня на коротком поводке? Ну-ну...

От утих. Отвернулся.

– Какой дрянной город, – пробормотал. – В Нью-Йорке скоро утро.

Мария, не оборачиваясь к нему, криво усмехнулась:

– Ты так говоришь, будто когда-нибудь его видел трезвым.

– Видел... Пару раз.

Мария его уже не слышала.

К горлу подкатывала тошнота, малиново-оранжевые огни чужого города сливались в одно полотно, рассыпались мучительно и тоскливо. В самом деле, зачем она это на себя взяла? И выдержит ли?

«Выдержишь», – приказала себе.

Она всегда вытаскивала себя буквально за шкуру из всех

проблем и неприятностей. Она сама себя сделала. Девочка из Бруклинских трущоб. Все, кто помнил ее такой, уже ждут ее на том свете.

То, что она задумала, заставит надолго запомнить ее имя.

Женщина положила голову на подголовник, прикрыла глаза.

В памяти проплывали почти забытые образы. Покосившееся крыльцо, раздолбанная тачка у давно не крашенной калитки. Заходящее солнце. Она, в страхе ожидающая темноты, потому что надо возвращаться домой. Сердце болезненно сжалось, будто она снова слышит крик нетрезвой матери. Ноздри уловили запах немытого тела, черствой пиццы и кислого пива. Детство.

Она всем отомстила за него.

Остался только один.

Дальше – хоть в ад.

Глава 6. «Жемчужина морей»

1 июня, утро.

Москва

– Ты его видел? – голос из динамика звучал резко, отрывисто.

– Да.

– Ты уверен? Ничего не путаешь?

– Нет, конечно. Фото, которое ты выслал, соответствует. Черная кожаная куртка, черные же джинсы и кеды, рыжий шейный платок, волосы темные, до плеч. Приехал в аэропорт на такси, прошел регистрацию, сейчас проходит досмотр. Наблюдаю его лично.

Мужчина быстро взглянул за прозрачную перегородку, за которой сутились пассажиры: его подопечный как раз передал сотруднику аэропорта паспорт и посадочный талон. За молодым человеком следовала миниатюрная брюнетка. Они и приехали вместе, и сейчас, в аэропорту. Держались вместе. Правда, несколько отстраненно. Не выглядели как пара.

Напряженное молчание в трубке. Мужчина в телефонной будке начал скучать, приглядываться к сновавшим в зале ожидания пассажирам. Улыбнулся прошедшей мимо стюардессе.

– Ты можешь сделать так, чтобы он не попал на этот лайнер?

От неожиданной просьбы глаза вылезли из орбит:

– Ты в своем уме? Я тебе не киллер.

Отчетливая ругань в трубке:

– Если бы мне нужен был киллер, я бы к тебе не обращался, идиот... Он не должен оказаться на борту этой чертовой «Жемчужины морей». Чисто. Без криминала. Ты понял?

Мужчина пожал плечами:

– Ну, понял. Без криминала... Так мне что, садиться в самолет?

– Да. И сделай так, как я прошу.

Гудки в трубке и неопределенность во взгляде. Неизвестный нашел взглядом высокую фигуру молодого человека, отметил, как тот снял во время досмотра куртку, бросил ее в корзину. Отметил сильные широкие плечи и очевидную физическую форму юноши. Невесело хмыкнул: такого просто так не вырубешь. Нахмурился, занимая очередь за полной пожилой дамой.

«Нафиг я в это дело ввязался» – подумал. Но с другой стороны – должок надо отрабатывать. А тут вроде дело не пыльное.

Почти в полдень они уже заходили на посадку в аэропорту Барселоны. Ангелина прильнула к иллюминатору, любовалась лазурным морем от края до края с крошечными, буд-

то игрушечными кораблями и контейнеровозами там, на его шелковистой глади. Прислушивалась к указаниям бортпроводников, их просьбам пристегнуть ремни и поставить спинки кресла в горизонтальное положение. Город приближался, поглядывая величественно и равнодушно, дышал лениво и щурился в выбеленное солнцем небо. Ангелина смотрела на него и недоверчиво улыбалась.

Степан сидел наискосок, через проход, подремывая и обдумывая услышанное буквально за пять минут до начала посадки. Пять минут назад мимо него прошла личная помощница Марии Терезы Стафф. Заметив молодого человека, приветливо махнула рукой и поманила к себе.

Степан выбрался со своего места, разбудив соседа и едва не наступив ему на ногу.

Дама, улыбаясь, следила за ним, дотронувшись до плеча, проговорила:

– Хорошо, что я вас здесь увидела, до посадки на борт «Жемчужины морей», – проговорила она. Добавила, продолжая приветливо улыбаться: – Мария Тереза осталась не очень довольна вашей коллекцией, Стефан. По ее мнению, она как нелюбимое творение, в которое художник не смог вложить душу. Ей не хватило изящества, полета. Понимаете, дорогой, коллекция сама по себе – это еще не все, важна ее подача. А ваша оказалась излишне суха. В ней не было сумасшедшинки. – Степан покраснел. – Собственно, поэтому вы и не вошли в основной состав. Но Марии нравится ваш

стиль, как смело вы работаете с тканями и образами. Поэтому вы с нами. Она просила, чтобы я передала вам эту информацию... Второй раз второй шанс она вам не предоставит... Не подведите ее.

Она еще раз ослепительно улыбнулась, деликатно коснулась плеча юноши.

– Не расстраивайтесь. Предупрежден – значит вооружен. У вас будет достаточно времени, чтобы все исправить. Если будут вопросы – наберите меня, – она протянула визитку.

И попрощалась, а Степан растерянно вернулся на свое место.

«Нелюбимое творение» и «излишне суха» вертелись в голове. Получается, Ангелина была права, назвав его коллекцию слишком продуманной и гладенькой. Она была права, а он это не заметил. И едва не проиграл еще там, в Москве.

Он не обращал внимание на то, как закладывает уши, как накренивается при посадке самолет. Достав блокнот и карандаш, он рисовал. Рисовал снова и снова, вычеркивая и перечеркивая, вырывая и вновь и вновь комкая страницы.

И не понимал, что не так.

По условиям кастинга, выданным ему вчера, для решающего дефиле он может представить новую коллекцию, а может – ту, что участвовала в предварительном отборе. «Сделать новую?» – сомнение жалило под сердцем.

Новую коллекцию можно отшить на борту лайнера, организаторы обещали, что будет все необходимое оборудова-

ние, главное – успеть за десять дней. Но вряд и при этом удастся сохранить в тайне идею коллекции – все участники кастинга будут видеть кто над чем работает. Опять же, вещь haute couture за пару дней не сделаешь. Неизбежно будет страдать качество. Плюс можно выпасть из условий кастинга и «скатиться» в prêt-à-porter. А это – однозначный проигрыш.

«Выходит, надо брать за базу «Черный обсидиан»», – он обернулся на Ангелину, рассеянно сунул блокнот в карман сумки.

Пока самолет останавливался, и пассажиры покидали борт, торопливо проглядывал инстаграм.

Ангелина, поравнявшись с ним, заглянула через плечо, процедила снисходительно:

– Что, ни минуты без селфи? – поправила сумку, двинула вперед по проходу.

Парень рассеянно пробубнил:

– Да посмотреть кое-что надо ...

Девушка обернулась через плечо, хмыкнула недоверчиво:

– Ну-ну.

Но он в самом деле что-то искал в Сети.

– Да что ты из смартфона не вылазишь, – Ангелина с удивлением хмурилась, забирая свой чемодан из его рук.

Он неопределенно кивнул и тут же отмахнулся, пролиставая ленту. И тут же просиял:

– О. Нашел!

Выйдя в город, потянул девушку к стоянке такси.

– Ты чего? – она неловко подхватила ручку чемодана. – У нас же трансфер до порта. Коллекция твоя, вон, грузится, – кивнула на плотно упакованные и маркированные кофры, у которых дежурил Иван Северов с напарницей.

Стефан только отмахнулся, подтолкнул девушку к машине, сам нырнул следом.

– Улица де ла Риэраде Сан Микэль, 9, пожалуйста, – сказал таксисту на испанском. И только когда машина тронулась обернулся к Ангелине, улыбаясь: – Там лучший в Испании магазин ткани...

– Ты больной, да? – девушка не спрашивала, она утверждала, смотрела настороженно.

Он засмеялся:

– Есть немного... Но у меня уважительная причина – я знаю, что не понравилось Марии Стафф в моей коллекции. Пока ты тарасилась на Барселону, ее помощница говорила со мной.

Ангелина посмотрела на часы:

– Мы так опоздаем. И лайнер уйдет из порта без нас... Но зато мы будем с тряпочками, – проворчала, закатив глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.